

[Polaris]

ЯНКА
МАВР



ЧЕЛОВЕК
ИДЕТ!

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXI



Salamandra P.V.V.

**Янка
МАВР**

ЧЕЛОВЕК ИДЕТ!

В дали времен
Том VIII

Salamandra P.V.V.

Мавр Я. (Федоров И. М.)

Человек идет! Пер. В. Барсукова. Илл. А. Тычины (В дали времен. Т. VIII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 80 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXLI).

Повесть о первобытных людях «Человек идет!» (1926-1927) стала первой книгой белорусского детского писателя и фантаста Я. Мавра. До сих пор эта повесть издавалась на русском языке в искаженном и сокращенном виде. Настоящий перевод выполнен по первому отдельному изданию 1927 г. Издание включает оригинальные иллюстрации белорусского графика А. Тычины.

© Author, estate, 2019

© V. Barsukov, перевод, 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

ЯНКА МАҮР

САЛАВЕР



— Чырвоная зьмеша —

**ЧЕЛОВЕК
ИДЕТ!**



I

**Стародавние времена. Царство зверей. Люди ли это?
Неудачная охота. Ужин из... крысы. Ночлег на дубе.**

Было это давным-давно... Может, миллион или даже больше лет тому назад. Точно сказать невозможно, а приблизительно наука хорошо знает, когда и как это было. Остались свидетельства тех времен: различные отпечатки, предметы, окаменевшие растения и кости и даже сами горные породы и земные слои. Все они могут достаточно правдиво поведать нам всевозможные интересные истории минувших эпох. Нужно только уметь их слушать...

Из таких памятников и сложилась история, которую мы здесь расскажем.

В те времена наша Европа выглядела совсем иначе, чем теперь. Море занимало всю современную Южную Европу и доходило до Альп, а у нас до Екатеринослава и Сталинграда.

Горы Кавказа и Крыма, Альпы, Апеннины тогда только начинали подниматься над поверхностью земли. Повсюду было много действующих вулканов, даже в таких местах, где сейчас о них



никто и не думает, например, в современной Германии, Англии. Казбек и Эльбрус изрыгали огонь, пепел, лаву.

Постепенно, понемногу, на протяжении многих тысячелетий Европа принимала тот вид, какой имеет сейчас.

И климат тогда был другой, гораздо более теплый, скажем, такой, как сейчас в Северной Африке.

Соответственно, и растительность была разнообразней и богаче. Фиговые и лавровые деревья росли вместе с хвойными. Рядом с дубами, кленами и вязами высились пальмы, а знакомые нам березы и вербы стояли по соседству с миртами, магнолиями и олеандрами.

Вся эта растительность образовывала громадные леса, занимавшие большие пространства. В тех лесах обитало множество зверей: некоторые из них дожили до наших дней и остались примерно такими же, как были, другие совсем изменились, а третьи и вовсе исчезли; таких зверей сейчас называют «допотопными».



По степным просторам ушедшего мира привольно бродили травоядные животные.

Вот только нигде не было видно следов человека. На просторах степей и лесов было не найти ни единого человеческого жилища. Ни одного человеческого слова не слышно было на огромных пространствах. И звери не встречали на своем пути ни единого охотника.

То было настоящее «царство зверей». Звери были тогда хозяевами всей земли...

Но вдруг на полянке появилось стадо каких-то существ. Они шли на двух ногах. Может, это и есть люди?

Нет, кажется, это обезьяны. Ведь все тело их покрыто шерстью. Голова продолговатая и сверху как будто приплюснутая. Лоб такой низкий, что его словно совсем нет, а какой ни есть, так и тот очень выпуклый. Нос тоже приплюснутый, переносица едва заметна. Глаза сидят глубоко в глаз-

ницах, и кость над ними выступает навесом. Подбородок еле обозначен, а огромные челюсти выдаются вперед, как у зверей.



Рост у них был небольшой, плечи широкие, а руки слишком длинные. Ноги же, наоборот — очень короткие.

Словом, вид у них был совсем не такой, как у нас с вами.

Но с другой стороны, если хорошенько присмотреться, то и от обезьян они сильно отличались. Прежде всего, они постоянно ходили и стояли только на двух ногах, и ходили уверенно, держась почти прямо и опираясь на землю всей ступней.

Обезьяны же, как известно, никогда так не ходят. Если им и случается пройти на двух ногах, то лишь несколько шагов, и тогда они касаются земли только боковой частью ступни, как ходят в наши дни, например, дети с очень кривенькими ножками.

Одна только походка доказывала, что эти существа ни в коем случае не могли быть обезьянами.

Но и другие признаки также говорили об этом. Взять хотя бы их руки: пускай они и были длиннее наших, но короче рук обезьян. Кроме того, заметно было, что существа распоряжались своими руками куда свободнее, чем обезьяны. Когда современная человекоподобная обезьяна идет на двух ногах, ее руки достигают земли и она опирается на них, закидывая ноги за руки. А здесь все было совершенно иначе. Видно было, что эти создания уже привыкли делать самые разнообразные движения руками.

Далее, хотя их головы и лица совсем не походили на человеческие — но отличались и от обезьяньих. И лоб, хотя и маленький, был все-таки больше и, главное, ровнее лба обезьяны.

И, наконец, самый главный признак — это величина черепа или, точнее, той емкости, где размещается мозг. У самой умной и ученой современной обезьяны объем черепа вдвое меньше человеческого¹.

По всему выходит, что это были не обезьяны, а значит, люди. И вправду, по лесной полянке шли первые люди, первые существа, которым так или иначе можно было дать имя человека.

Они не сразу они появились на свет такими. Прошли миллионы лет, прежде чем они стали такими, какими мы их видим. Должны были пройти еще миллионы лет, прежде чем мы сами сделались такими, как сейчас.

Долгое время люди ничем не отличались от обезьян, а до того и от других зверей. Возможно, их предки случайно очутились в других жизненных условиях, и им пришлось проводить больше времени на земле, чем на деревьях; руки их стали привыкать к новой работе, для которой им требовалось больше напрягать мозг, — и постепенно они начали немного отличаться от других животных.

В течение длительного времени эти отличия были очень незначительными. Но мало-помалу они становились все существеннее и, наконец, наступило время, когда стало очевидно, что эти существа — не животные.

А если мы припомним, что на наших глазах и за очень короткий срок человек может совершенно изменить ту или иную породу животных, лишь поместив их в другие условия, и если мы вдобавок обратим внимание на то, что те же животные и даже сами люди в зависимости от места проживания и условий жизни заметно различаются по своему внешнему виду и способностям — то нам станет ясно, что на протяжении миллионов лет эти изменения должны бы-

¹ Средний объем черепа современных человекоподобных обезьян — 600 куб. сантиметров, а у этих существ — 1.200 куб. см. Средний объем черепа современных европейцев — 1.500-1.600 куб. см., а современных дикарей — 1.300-1.400 куб. см. (Здесь и далее прим. авт.).



ли быть весьма значительными. Это же доказывает нам и наука, изучающая историю человека.

* * *

Племя состояло из 25-30 человек. Здесь были женщины с детьми на руках и на спине, подростки и мужчины разного возраста, в том числе один старик.

Их руки были пусты, свободны от всякой ноши. Они все еще жили, подобно животным: кочевали с места на место в поисках пропитания.

Одни выкапывали руками какие-то коренья, другие высматривали на деревьях плоды; третьи пытались найти и изловить какую-нибудь живность: червя, жука и так далее.

Им нелегко было прокормиться таким образом. Сегодня они потратили бесконечно много времени, собирая пищу на обед. И до сих пор они еще не перекинулись между собой ни единым словом.

Наконец все понемногу собрались на полянке, чтобы отдохнуть. Усевшись на корточки, они молча смотрели прямо перед собой и, похоже, ни на что не обращали внимания. Царила тишина — только играющие дети изредка ворчали друг на друга. Взрослые не говорили ни слова.

Что же, немые они, что ли?

Нет, не немые, но... они еще не умели разговаривать.

И ничего удивительного в этом нет. Мы знаем, что маленькие дети не сразу начинают говорить. А когда начинают, то лишь потому, что постоянно слышат вокруг себя человеческую речь. Если бы они ни от кого не слышали ни одного слова, то и говорить бы не умели.

От кого же могли услышать человеческую речь первые люди? Значит, и научиться им было не от кого. Да если бы они и слышали речь, то все равно не научились бы говорить, поскольку их язык не был приспособлен к этому и не умел выговаривать слова.

Правда, они знали несколько слов, если так можно назвать некоторые звуки, что они издавали. К примеру, им было хорошо известно слово «Га», которое обычно произносил вождь, когда всем нужно было собраться вместе и идти дальше, или же обратить внимание на что-либо.

В переводе на наш язык слово это одновременно означало бы множество понятий, скажем: «Сюда. Собирайтесь. Глядите в оба. Пойдем. Будьте осторожны. Слушайте. Стойте. Подождите. Тише».

* * *

Солнце ласково освещало полянку. Люди спокойно отдыхали и, видимо, чувствовали себя прекрасно. Дети бегали, играли. Матери ухаживали за своими младенцами, выбирая из их шерстки соринки и насекомых.

Но странное дело: все они почему-то казались грустными. За все время никто из них еще ни разу не улыбнулся. Даже матери ласкали своих детей с какой-то суровостью. А мальчишки бегали и кувыркались с таким видом, будто выполняли какую-то неприятную работу. Но вместе с тем было заметно, что игра доставляла им удовольствие.

Что же с ними со всеми случилось?

Ничего. Просто они еще не умели смеяться.

Условия их жизни были тяжелы, и им выпадало не так много причин для улыбок, для развития способности к смеху.

Оно и понятно: среди лесных жителей они были самыми слабыми, самыми жалкими. Они не могли помериться силой с большими животными. У них не было зубов и когтей, какими наделены хищники. Даже бегать они не могли так быстро, как бегали некоторые животные.

Всякий зверь, который теперь и духа человеческого боится, мог тогда одолеть любого человека.

Как им было прокормиться, выжить?..

Не до смеха тут...

А способность смеяться, как и все прочие умения, не упала сама собой с неба. Для этого также требовалось и долгое время, и соответствующие условия.

Не зря же до наших дней ни одно животное так и не научилось смеяться.

Один из мужчин несколько выделялся среди прочих. Он превосходил остальных ростом и был, как видно, сильнее других; казалось даже, что и лицо его выглядело более умным. Это был вожак племени.

Никто его, разумеется, не выбирал и не назначал. Все произошло само собой: он первым в час беды бросался на врага, раньше других замечал опасности и предупреждал о них, заботился обо всем племени.

Он стоял, прислонившись к дереву, и словно о чем-то думал.

Но мог ли он вообще думать так, как мы это себе представляем?

Конечно, нет! Давайте прислушаемся к себе: мы заметим, что наша мысль основывается на понятиях, означаемых словами. В мыслях мы как будто говорим.

А раз он не умел говорить, значит, не умел и думать.

В его голове мелькали какие-то смутные образы, но связать их в единую связную мысль он не мог.

Возле него вертелся двенадцатилетний мальчик, его родной сын.

Вожак посмотрел на него, в глазах его что-то засветилось, как если бы он хотел что-то припомнить, но огонек тотчас погас, и отец так и не осознал, что перед ним его сын.

Внезапно в лесу раздался шорох, и на полянку выскочили две козы.

Завидев чужаков, они остановились, точно в удивлении, и в тот же миг несколько мужчин бросились к ним. Но руки людей только



скользнули по спинам коз — и животные исчезли. Нелегко было нашим древним людям охотиться с голыми руками...

Эта неудача, видимо, огорчила их. Хотя лица их и нельзя было назвать чересчур выразительными, все же и на них проступило какое-то разочарование.

Вместе с тем, опять проснулся голод, и люди вновь отправились на поиски пищи. На сей раз некоторые счастливицы нашли даже птичье гнездо с яйцами и поймали крота.

Одна из женщин наткнулась на зверька, похожего на нынешнюю крысу. Почуввав опасность, он свернулся в клубок и притворился мертвым. Но это ему не помогло: женщина все равно схватила зверька, сразу разорвала его и принялась есть. Она отрывала зубами куски мяса и давала их своему ребенку.

Зверек был так называемой «сумчатой» крысой, которая и сейчас водится в Южной Америке и Австралии. Сумчатые животные — одни из самых древних. До сих пор сохранилось несколько видов; к ним относятся, например, известный австралийский кенгуру. Все они отличаются тем, что самки донашивают де-



тенышей в особой сумке, напоминающей карман и расположенной на груди.

Тем временем наступил вечер. Людям пора было подумать о ночлеге. Они не впервые ночевали в лесу и хорошо знали, что безопасней всего им будет ночевать на деревьях.

Один за другим они начали карабкаться на развесистый дуб. В густых ветвях нашлось достаточно места, хватило даже для женщин с детьми.

Некоторое время среди ветвей слышался треск и шуршание, потом все затихло. Люди «улеглись» спать.

Потянулась ночь, темная, душная. В лесу началась другая, ночная жизнь. Пронзительно крикнула какая-то птица, зазвенели комары и мошки. Где-то залаяла гиена. Издале-

ка донесся рык льва.

Затем начал приближаться какой-то грозный шум; могло показаться, что где-то раздается пушечная канонада. Шум звучал все ближе и ближе. Стало понятно, что в лесу ломались и падали деревья — и, видать, деревья не маленькие. Приближалось нечто ужасное; слышался какой-то тяжелый топот, земля сотрясалась.

На дубе встревожились, зашевелились.

Вот ближайшее дерево треснуло и верхушка его рухнула прямо на дуб. Поднялся крик, писк — и несколько человек свалились на землю.

Упавшие только и успели заметить, как мимо них прошли огромные животные, похожие на горы...

Шум и треск постепенно утихли. Гигантские звери ушли. Люди вновь забрались на ветви. Хорошо еще, что никто из них не пострадал.

Успокоились.

Но на западе снова загрохотало. Теперь приближалась гроза. Все ярче сверкали молнии, все сильнее гремел гром, и вдруг так загрохотал над головами, что все люди посыпались на землю. Вскоре хлынул проливной дождь.

Можно представить себе переживания наших древних людей. Конечно, они и раньше сталкивались с таким явлением, но понять его и тем более привыкнуть к нему никак не могли и всякий раз заново пугались.

Этот блеск, этот грохот, эта таинственная сила, живущая где-то высоко на небе, вызывали у них боязнь, переходившую в чувство глубокого страха перед неведомым великим властелином; чувство это породило позднее много различных религий.

Гроза бушевала всю ночь. Люди ютились под деревом, дрожали от холода, и казалось, тьме никогда не будет конца.

Так начинал свою жизнь человек.

Тот самый человек, который сейчас летает в воздухе, плавает под водой, переговаривается через всю землю с другими людьми, управляет природой...

Человек, который благодаря своему уму и труду достиг всего того, что есть у нас сегодня...

II

В пути. Забытый!.. Носорог приносит смерть. Охота с голыми руками. Пир на весь мир.



ождь прекратился только к утру.

С какой радостью встретили наши древние люди первые лучи солнца! Даже лица их будто скривились от удовольствия. То были первые пробы, первые попытки улыбнуться. Но нам было бы, пожалуй, даже противно смотреть на их гримасы...

Солнце вставало, становилось теплей. Люди вылезли на солнце, грелись, сушились, некоторые вновь начали засыпать. Но голод прогнал сон. Надо было идти дальше.

Вожак крикнул и пошел вперед, в лес. За ним потянулись все остальные.

Подобно стаду животных, они чередой шли вперед, то расходясь, то снова сходясь. Никто из них не подавал голоса. Было лишь слышно, как шуршали и трещали под ногами сухие ветки.

Все были заняты важным делом: искали что-нибудь съедобное.

Иногда впереди звучал тревожный крик вожака. Тогда все сбивались в кучку и озирались, ища глазами опасность. Они и рукой не смогли бы показать в ту сторону — и этого не умели делать.

Нужно вновь отметить, что и этот жест, кажущийся таким простым, тоже не дается даром и требует много времени, опыта и ума.

Что бы сказали мы с вами, увидев, например, как собака указывает лапой: мол, вон там бежит заяц? Мы сочли бы это чудом, какого мир еще не видывал.

И это действительно было бы чудом. Значит, мы не мо-

жем требовать от наших древних людей умения переговариваться жестами.

Достаточно уже того, что они время от времени так поступали. Увидев, допустим, на дереве плод, человек кричал и, сам того не сознавая, протягивал руку по направлению к нему. Но мы ни в коем случае не можем сказать, что человек хотел указать на плод рукой.

Или же, увидев поблизости врага, человек от страха протягивал руку вперед. Но в следующий раз, вновь встретив опасность, он и не думал повторить этот жест.

Один только вожак чаще других пользовался жестами. В его положении часто возникала необходимость о чем-либо предупредить сородичей. Но и он пока что делал это бессознательно, от случая к случаю.

Лес становился все гуще и темнее. Деревья вздымались так высоко, что их кроны были едва видны; в вышине они густо переплетались, не пропуская солнечные лучи. Среди бела дня внизу царил сумрак, словно в вечерний час.

Земля была черная, влажная. Без света на ней не росла даже трава.

Люди невольно прибавили шаг, стремясь побыстрее покинуть это неприглядное место.

Один из мужчин, старик, давно уже напрягал все силы, чтобы не отстать от других. Он все время плелся позади. Сейчас ему приходилось совсем тяжело. Люди шли все дальше и дальше, исчезая за деревьями.

Старик спотыкался, падал, снова вставал. Ноги дрожали, подкашивались. Но расстояние между ним и соплеменниками неуклонно увеличивалось.

Он попытался побежать за ними, но тотчас рухнул на землю.

И вот лишь последние фигуры людей мелькают среди деревьев далеко впереди.

Жуткая тишина окружила старика. Тупой ужас наполнил его сознание. Он не понимал, что происходит, но всем своим существом ощущал что-то страшное.

Он издал хриплый, слабый крик. Отозвалось одно эхо — и снова все стихло.



Он вновь поднялся, побежал и опять упал. Ноги сводило, он задыхался. Так хотелось хотя бы немного отдохнуть. Но он чувствовал, что отдыхать нельзя, что нужно спешить вперед, к своим, несмотря ни на что.

Он снова вставал на ноги и снова падал, пока совсем не выбился из сил и не смог подняться.

Тогда он пополз. Глаза его были устремлены в ту сторону, куда ушли сыновья и внуки. Уже давно никого не было видно, а он все полз и полз вперед.

Морщинистое, обезьяноподобное лицо несчастного тряслось, кривилось, глаза увлажнились, но... и плакать он еще не умел. Люди тогда еще ничего не умели.

И вдруг перед его помутневшим взором заблестели чужие глаза. Сверкнули слева, справа, все ближе, ближе... Вот уже слышится лязг зубов и глухое ворчание... Потом жесточайшая боль в плечах — и все потемнело...

А его сыновья и внуки тем временем все шли и шли вперед, даже не замечая, что кто-то из племени остался позади...

Вскоре племя приблизилось к болотистой низине, за которой расстилалась более возвышенная и сухая местность.

Нужно было только перейти на ту сторону. Но на годном для переправы месте, как назло, сгрудилось стадо неизвестных зверей, неуклюжих, с продолговатой головой, стоячими ушами, маленькими глазками и удлинненной верхней губой. Их можно было принять за свиней или за маленьких слонов.

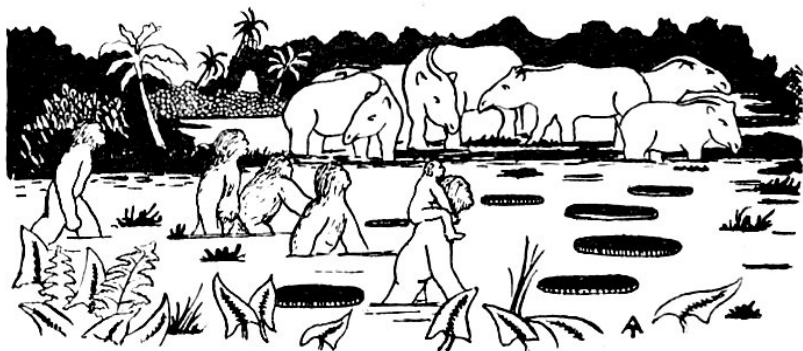
Это были тапиры, которые сейчас сохранились только в Южной Америке.

Люди остановились, не зная, что делать. Опыт и чутье подсказывали, что перед ними мирные, а не хищные животные. Но кто знает, что эти звери задумали?

Постояли, посмотрели: кажется, все в порядке. Тапиры стоят спокойно, даже не обращая внимания на людей. Можно попытаться.

Осторожно подвинулись вперед, подошли совсем близко. Звери стоят, с интересом поглядывают на людей — а сами ни с места.

Ничего не поделаешь, пришлось их обогнуть, а для этого влезть в болото чуть ли не по шею.



Любой «свинье» должен был древний человек уступать дорогу, да еще радоваться, что его не трогают.

Едва люди перебрались на тот берег, как в лесу что-то затрещало и из чащи прямо на них выбежал носорог. Он был разъярен и тяжело дышал; в боку зверя зияла рана, откуда струилась кровь. С первого взгляда было件нятно, что носорог только что с кем-то сражался. А в подобных случаях он нападает на всякого, кого ни встретит.

Не успели люди опомниться, как носорог, нагнув голову, бросился на них. Раздались дикие крики, все разбежалось, кто куда. Почти все мигом оказались на деревьях.

Но одна женщина с ребенком не успела...

Носорог поддел ее своим страшным рогом и с такой силой переброшил через себя, что она пролетела по воздуху и ударилась головой о дерево. Ребенок, выпавший у нее из рук, упал прямо перед зверем. Носорог растоптал его ногами и помчался прочь.

Когда зверь исчез из виду, люди слезли с деревьев и обступили несчастную женщину. Конечно, она была уже мертва. Живот ее был совершенно разорван, кишки вылезали наружу. Голова вся окровавлена.

Люди напряженно глядели на жертву носорога, приподнимали ее голову, трогали руки. Смерть, случившаяся у них

на глазах, видимо, отразилась в их сознании: заметно было, что они что-то пережи-
вали, чувствовали, о чем-
то думали...

Смерть женщины
стала для них своего
рода встряской, заста-
вившей их больше при-
слушиваться к своим
чувствам и разуму. В
этом смысле и несча-
стье оказалось для них
полезным.

Но такая непри-
вычная внутренняя ра-
бота не могла долго
продолжаться. Вскоре
они равнодушно отвернулись от несчастной жертвы и за-
были о ее гибели.

Ребенком никто даже не поинтересовался, так как его
тельце лежало поодаль и не попалося людям на глаза.

Лес поредел, и наши путники вышли на полянку у ис-
точника. Здесь устроили привал. Никто не сознавал, что трое
из племени уже погибли.

Одни уселись отдыхать, другие снова отправились «пас-
тись», третьи подошли к роднику, чтобы напиться. Здесь они
ложились на живот и лакали воду; в целом же они боялись
воды и лишь какой-нибудь из ряда вон выходящий случай
мог заставить их окунуться.

Тем временем вожак с одним из своих товарищей (на-
зовем его Кра) отошли подальше в сторону, надеясь высле-
дить какую-нибудь добычу.

Справа, ближе к роднику, темнели густые заросли, спра-
ва лес был редок. В одном месте они заметили, что сквозь
заросли по направлению к источнику тянется тропинка. Оче-
видно, ее протоптали звери, ходившие этим путем на водо-
пой.



Люди невольно остановились на этом месте и стали оглядываться, чего-то ожидая. Чутье подсказывало им, что кто-то должен здесь появиться.

И впрямь, спустя некоторое время они заметили, что по лесу приближаются издалека какие-то животные, похожие на оленей, только с маленькими рогами. Они явно направлялись в эту сторону.

Вожак насторожился, припал к земле. Потом притронулся к руке своего товарища, и оба они спрятались в кустах. Притаились и стали ждать.

Животные спокойно приближались, но у самых кустов передний зверь вдруг остановился и стал прислушиваться. Охотники начали уже бояться, что олени убегут.

К счастью, ветерок подул в противоположную сторону. Олени больше не чувствовали незнакомого запаха и, успокоившись, двинулись дальше по тропинке.

Тогда вожак бросился на переднего оленя, со страшной силой сжал руками его горло и даже вцепился в его шею зубами. Олень отпрянул в сторону, но человек продолжал крепко цепляться за его шею. Сбоку подскочил Кра и стал сворачивать голову оленя. Пальцы его раздирали морду животного, выдавили глаз — и люди покатались вместе с оленем на землю, ни на миг не выпуская добычу из рук.

Олень защищался изо всех сил, кусался, бился, даже ранил вожака в бок ударом копыта, но все было напрасно. Охотники все выше и выше задирали ему голову и одновременно выкручивали ее в сторону. Наконец кости шеи хрустнули, движения оленя стали ослабевать — и он утих...

Тогда оба охотника встали, выпрямились и из груди их вырвался зычный крик победы.

На крик сбежались все остальные и, увидев такую богатую добычу, начали плясать и кричать от радости. Лица их жутко корчились: эти гримасы означали у них радость и смех.

Нелегко было голыми руками убить оленя, но ничуть не легче было разделать его. У туши оленя поднялась страшная возня. Каждый старался поскорее ухватить лакомый кусок, но... как это сделать?



Одни пытались разодрать шкуру ногтями, другие пустили в ход зубы, третьи силились выломать ноги. Они толкались и огрызались друг на друга — казалось, вот-вот начнется нешуточное побоище.

Постепенно им удалось проделать зубами несколько дыр в шкуре. Тушу стали с большим трудом раздирать руками. Крепкая сырая шкура выскальзывала из рук, и люди, тянувшие ее, часто летели вверх ногами. Тогда дыры снова расширяли зубами.

Наконец добрались до мяса, но и тогда пришлось не легче. Все равно отрывать руками куски мяса было очень трудно и приходилось больше действовать зубами.

Страшно было смотреть на «пиршество» этих существ. В эти минуты, казалось, исчезли их немногие человеческие черты. Дикие взгляды, оскаленные зубы, окровавленные морды и руки, пятна запекшейся крови на шерсти...

Им, безоружным, редко выпадало такое счастье, и они старались вознаградить себя за все голодные дни, что случались в их жизни гораздо чаще.

Мало-помалу все наелись, успокоились. Вместе с тем будто изменился и их вид. Взгляды, выражение лиц и каждое движение стали другими. Снова можно было видеть, что это все-таки люди.

Оно и понятно: даже в наши времена голодные люди становятся похожими на зверей. Что же спрашивать с этих?

Только окровавленные лица и запятнанные кровью тела производили тяжелое впечатление. Это почувствовала одна девушка лет пятнадцати, которая была смышленей других. Она все время пыталась стереть с себя кровь. Потом подошла к источнику напиться, случайно провела по шерсти рукой и заметила, что пятна крови расплылись. Она принялась тереть свою шерсть и понемногу отмыла от крови руки и грудь, но... лицо вымыть не догадалась, ведь она его не видела. И наша первая красавица, хоть и стала чище остальных, так и щеголяла с окровавленной физиономией.

Племя завершило этот день совсем «по-человечески». Люди были сыты и спокойны, что редко случалось в их жизни. Они не страдали сейчас ни от холода, ни от голода, не чув-

ствовали никакой опасности. Им не нужно было думать о еде, и у них появилось свободное время.

Теперь они уже не сидели молча и уныло, как раньше. Они бродили и посматривали то туда, то сюда. Время от времени они даже обращались друг к другу, издавая какие-то звуки, вероятно, служившие для них словами.

Правда, собеседники не всегда понимали друг друга, но эта беда была поправима. Важным было уже то, что они обменивались звуками, пытались выразить свои впечатления.

Вот низко над их головами с шумом пролетел аист. Человек посмотрел вверх и у него как-то сам собой вырвался звук — «жу». Его собеседник тоже заметил птицу и в свою очередь невольно произнес — «жу». И вот оба уже поняли друг друга, оба знают, что это «жу» означает вон ту летучую вещь. И если после этого над ними пролетит какой-нибудь скворец, они также смогут сказать — «жу».

Возможно, правда, что в это же самое время другие два человека обменялись иным звуком, другим «словом», допустим, «гу». Но и это не беда: все равно и у тех, и у других это слово сейчас же вылетит из головы, и в следующий раз они произнесут совершенно новое слово.

Так случится раз, другой, третий, десятый... но наконец определенное слово останется, его запомнят больше людей и будут после понимать его смысл. И это слово станет у них обозначением всего летящего по воздуху.

То была великая «культурная работа». На изобретение одного-двух слов требовались годы: ведь людям постоянно приходилось думать о том, как утолить голод и избежать опасностей.

Но и эти несчастья оказывались для них полезными, так как заставляли напрягать разум, чтобы выпутаться из беды. Однако всего должно быть в меру.

Тем временем близился вечер, тихий, теплый. Быть может, впервые в жизни древние люди смогли обратить внимание на красоту природы: розовый цвет закатного неба, стройные кипарисы, что выступали отчетливыми силуэтами на его фоне, и первые звезды, отражавшиеся в воде.

Показался месяц. Довольным людям он также виделся сегодня ласковым и добрым. Люди следили за ним глазами, и мысли их, какими бы смутными они ни были, все же летели выше и дальше повседневных забот. В глубине души зарождались более высокие, человеческие чувства.

Одним словом, весь этот мирный и спокойный вечер послужил для них, так сказать, уроком, упражнением, маленьким шагом на пути к будущему человеку.

Наполненные впечатлениями, они и на деревья забираться не стали, а улеглись спать здесь же, под кустами, на сухом берегу ручья.

Они не ведали, что их счастье продлится недолго...

III

Нападение гиен. Борьба за добычу. Мастодонты. Людям остались «рожки да ножки». Черепаха. Великие открытия, оставшиеся незамеченными. Человек в трясине. Бой носорога с махайродами.



очь проходила. Люди спокойно спали и не слышали приближения врагов. Уже некоторое время издали доносились какие-то неприятные звуки, похожие то ли на лай, то ли на хохот. Звуки повторялись, приближались, но никто из людей ничего не слышал.

Прошло еще несколько минут — и вдруг в темноте замелькали фигуры каких-то животных, немного напоминавших собак, но более проворных, с толстой шеей и наклоненной назад спиной. Шерсть вдоль всего хребта торчала, словно грива, а на боках животных виднелись полосы.

То были гиены, которые и сейчас живут, главным образом, в Африке. Эти отвратительные животные кормятся в основном всякой падалью и редко нападают на людей, даже когда те спят. Гиены почуяли запах оленьей туши и начали осторожно подбираться к ней. Одна за другой очутились возле туши и принялись рвать и разгрызать мясо.

Ворчание и хруст костей разбудили людей. Они тревожно закричали и вскочили на ноги.

Гиены испугались и отбежали назад.

Люди собрались возле оленя и приготовились защищать свою добычу.

Но гиены раззадорились и не желали отступать; они зашли с другой стороны и опять стали приближаться. Вот они подбираются все ближе и ближе, уже видны горящие глаза, слышится скрежет зубов, вот уже осталось несколько ша-

гов...

Что было делать несчастным безоружным людям? Отой-ти и отдать свою добычу? Нет, эти звери не так уж страш-ные, чтобы бежать от них. Лучше сразиться с ними, исполь-зуя кулаки и зубы...



И все вместе, будто сговорившись, люди бросились на ночных разбойников. Атака была такой шумной и яростной, что гиены в страхе повернули назад и исчезли во тьме.

Люди вздохнули с облегчением. Успех придал им бодрость и смелость. Они снова убедились, какое преимущест-во дает им дружное общее наступление. До сих пор только эта сплоченность и поддерживала их, заменяя им оружие.

Но гиены далеко не ушли. Вскоре они снова начали при-ближаться, правда, более осмотрительно и медленно, но неук-лонно. В решающую минуту люди вновь их отогнали.

Гиены пытались напасть еще несколько раз. Всю ночь они держали людей в страхе, в осаде.

Близился рассвет. Положение не изменилось.

И тогда в лесу раздался новый шум, такой громкий, буд-то наступало целое войско. Трещали ветки, ломались и па-дали деревья. Затем показались какие-то колоссальные зве-ри, похожие на слонов. Они направлялись к источнику, ви-

димо, на водопой. Гиены отбежали подальше, а люди кинулись назад. Но, увидев, что звери не обращают на них никакого внимания, успокоились, остановились и стали ждать, что будет дальше.

Животные эти, хоть и походили на современных слонов, были по крайней мере в два раза крупнее. Длина их тела достигала 8-10 метров. Голова их была длиннее, чем у слонов, а хобот намного короче. Но главным отличием были бивни или клыки. Их было четыре, по два сверху и снизу; прямые и ровные, они торчали прямо вперед, как копы, причем нижние были короче, а верхние достигали 3-4 метров в длину.

Это были так называемые мастодонты, которых теперь уже нет на свете. Вероятно, одной из главных причин их исчезновения и явились эти нелепые клыки, которые мешали им брать пищу. Мастодонты могли питаться только тем, что находилось в воздухе, выше уровня земли, к примеру, листьями или плодами. С земли же они ничего не могли поднять: клыки-копы упирались в почву, и даже хобот не мог помочь, как помогает нашим слонам, поскольку хобот у мастодонтов был короче верхних бивней.

Поравнявшись с тушей оленя, передний мастодонт подхватил ее своими клыками и отбросил далеко в сторону. Мгновенно подскочили гиены и разорвали убитого оленя на куски.

А люди могли только беспомощно смотреть, как эти твари пожирают оленя, добытого с таким трудом.

Мастодонты напились и направились назад, а гиены тем временем покончили с оленем, оставив людям одни «рожки да ножки».

Опять нужно было переходить на подножный корм, снова тратить целые дни на поиски разной более-менее съедобной мелочи.

Закончился праздник, вновь начались будни. Такой случай, как удачная охота на оленя, мог повториться не скоро — может, лишь через много месяцев.

Снова разошлись во все стороны, снова начали ловить

жуков, червей и различных мелких животных, вновь принялись искать плоды, листья и корни.

Коренья, конечно, выкапывали руками и только тогда, когда сделать это было достаточно легко. Если же корень не поддавался — его бросали и искали другой.

Но случалось и так, что еды было мало, а бросить находку было жаль. Тогда начинали долго возиться, выкапывая корень. Однажды одна из женщин, копаясь в земле, случайно подобрала упавший сук и начала копать им. Она сразу почувствовала, что работа пошла быстрее и легче. Тем же способом она выкопала и второй корень.

Но, перейдя на новое место, женщина напрочь забыла о своем изобретении. Она не догадалась ни взять с собой новое приспособление, ни найти другой сук и продолжала рыть землю руками, как и раньше.

У других людей тоже бывали подобные озарения — и точно так же кончались ничем. Человек слепо блуждал на пороге величайшего момента своей истории, той минуты, когда он начнет пользоваться орудиями и тем самым сразу опередит всех живых существ на земле.

Не все происходит так быстро и легко, как может показаться. Недаром до сих пор ни одно животное не научилось осознанно использовать орудия.

Для этого необходимо умение наблюдать и делать выводы **н а б у д у щ е е**. А это и мы с вами не всегда умеем делать.

Как-то раз наши древние люди увидели какое-то животное, гладкое и круглое. Оно ползло по земле так медленно и неуклюже, что люди тотчас поняли: существо это не сможет им навредить. Это была сухопутная черепаха*.

* Черепах и теперь имеется еще много (около 200 видов); водятся они и в Белоруссии. Но самые большие (до 12 пудов) и разнообразные обитают в теплых странах. Черепахи бывают водяные и сухопутные. Размножаются, откладывая яйца. Живут очень долго — около 200 лет. Могут подолгу, до полутора лет, оставаться без еды; в одном случае черепаха продержалась без еды 6 лет. Черепаха способна прожить 2 недели с отрезанной головой. Мясо черепах считается очень вкусным.

Люди окружили ее, стали рассматривать, но она тотчас остановилась, втянула под панцирь голову, лапы и хвост и перестала шевелиться. Потрогали: твердая, как камень, не подступиться. Попытались сунуть руку под панцирь — царапается.

Тогда мальчик, о котором мы раньше упоминали, — будем называть его Ра, — взял обломанную ветку и сунул ее в отверстие панциря. Черепаха зашевелилась, высунула ноги и голову и двинулась вперед, прямо на мальчика.



Тот испугался, поднял вверх руку с зажатой в ней веткой и... ударил черепаху по спине. Раздался треск — и сухая ветвь разлетелась на куски. Черепаха снова спряталась. Так и эдак пробовали к ней подступиться, но быстро убедились, что ничего с ней не поделаешь, — и оставили ее в покое. И никто из людей не знал, что у них на глазах произошло самое великое событие в истории всего человечества: человек впервые поднял вооруженную руку на зверя.

И это великое событие так и осталось незамеченным, также как и не привело пока что к каким-либо результатам, ибо не принесло непосредственной пользы.

По пути людям пришлось огибать большое зыбкое болото. Оно поросло травой и зеленело, как луг, но стоило ступить туда ногой, и трясина мигом засасывала человека.

В нескольких шагах от края болота стоял на кочке аист и спокойно смотрел на людей, как будто понимая, что добраться до него невозможно. Кра не выдержал и бросился к птице.

Аист взлетел, а человек увяз в болоте и стал погружаться все глубже.

Люди шли мимо и не обращали на него внимания.

Кра увидел, что дело плохо, и начал тревожно кричать. Тревога передалась остальным. Люди столпились у края болота. Некоторые пытались подобраться к Кра, но были вынуждены повернуть обратно.

Кра барахтался, копошился, но постепенно и неуклонно уходил все глубже и глубже. Прошло несколько минут, томительных, долгих. Люди стояли, смотрели и понемногу начали утрачивать интерес. Некоторые уже отвернулись, другие отошли. Впечатление от случившегося ослабевало и, казалось, они готовы были двинуться дальше.

А бедняга тем временем увяз до плеч.

Рядом с ним лежала сухая сломанная верхушка молодого деревца: один конец ее упал в болото, другой оставался на берегу. В последний миг Кра удалось уцепиться за эту верхушку и он потащил ее к себе.

Другой конец обломка зашевелился, будто приглашая людей ухватиться за него. Но... люди стояли и смотрели или бессмысленно суетились. Лишь спустя некоторое время вожак уцепился за жердь и потянул ее к себе. Тогда и другие догадались принять участие в спасении Кра.

Но вытащить человека из трясины — дело нелегкое. Тащили все, кто только мог ухватиться. И по их лицам было видно, что они напрягали не только физические, но и умственные силы. Люди ощущали, что дело их имеет большое значение, и наглядно видели пользу орудия — обломка дерева.

Кра уже наполовину вытащили. Он держался покрытыми зеленоватой тиной руками за спасительную древесную верхушку. И... вдруг... она обломилась... Люди покатались по земле, не понимая, что случилось. Потом поднялись, недоуменно глядя друг на друга и не зная, что делать.

А Кра тем временем опять начал тонуть. Вот он погрузился в трясины по шею... вот вода подступила к подбородку... вот грязь начала заливать рот, и крики утихли... только глаза смотрят полным смертельного ужаса взглядом, моля собратьев о спасении...

Наступила критическая минута. Догадаются ли древние люди, что им нужно сделать?



Сегодня, возможно, кто-нибудь и улыбнется, услышав такой вопрос. Но пусть он помнит, что и вокруг него наверняка имеются вещи, которыми он точно так же не догадывается воспользоваться, и что кому-нибудь другому, более знающему, это тоже может показаться смешным.

Кра спасло женское сердце. Агу, та самая девушка, которая недавно смывала с себя кровь, в порыве какого-то вдохновения бросилась вперед, схватила жердь и протянула ее Кра.

Вслед за ней и все остальные ухватились за обломок и с большим трудом вытащили несчастного из трясины. Он едва не потерял сознание и долго еще, лежа на сухом берегу, держался за жердь.

Все были явно довольны и внимательно наблюдали за потерпевшим.

Не меньшим вниманием пользовалось и «спасительное приспособление». Дети таскали жердь за собой, пока совсем ее не сломали, и после еще долго размахивали прутьями, не сознавая, что уже сама эта игра была большим достижением.

Даже вожак обратил внимание на новое орудие, поднял один из обломков жерди, повертел его в руках и, не зная, что с ним делать, бросил в болото...

Люди вновь приблизились к поворотному моменту своей истории и вновь прошли мимо...

Тем временем Краг совсем оправился и встал на ноги, чувствуя себя достаточно хорошо.

Если бы древние люди умели смеяться, они не удержались бы от хохота, глядя на Крага. Среди своих мохнатых собратьев он один выглядел «гладким»: липкая грязь, покрывавшая его тело, теперь засохла и придавала ему такой вид, что соплеменники, даже не умея смеяться, с каким-то удивлением поглядывали на него и корчили гримасы.

Племя потянулось дальше. Люди миновали болото, снова вошли в густой лес. Вожак внимательно оглядывался по сторонам: он знал, что в чаще всегда может подстеречь непредвиденная опасность.

И в самом деле, не прошло и часа, как вожак издал особенно громкий и тревожный крик. Все заметались и, еще не понимая, откуда и какая грозит беда, очутились на деревьях.

Тогда только разглядели, что между деревьями мелькают какие-то рыжеватые звери, похожие на нынешних тигров, но гораздо крупнее их. Это были самые страшные хищники не только тех времен, но и вообще когда-либо существовавшие на земле. Их называют махайродами. Кроме силы, ловкости и ярости, махайроды также отличались своими чрезвычайно острыми клыками-кинжалами, сантиметров 15-20 в длину, загнутыми и щербатыми.

Львы и тигры были ничто в сравнении с ними, но по какой-то причине махайроды давно уже вымерли и считаются теперь «допотопными», а более слабые львы и тигры благополучно продолжают существовать.

Люди едва успели взобраться на деревья, как хищники окружили их. Махайродов было восемь или десять. Видимо, они были очень голодны, так как не отходили от деревьев, на которых сидели люди, постоянно поглядывали на ветки и даже становились на задние лапы, пытаясь достать добычу. Жутко было видеть, как они кружили вокруг.

Один из хищников подпрыгнул и уцепился зубами и передними лапами за нижнюю ветвь. Он извивался, раскачивался, дергая задними лапами в воздухе. Люди вскарабкались выше и со страхом следили за его движениями. Наконец он сорвался и упал на землю.

Другие махайроды пробовали грызть деревья, да так, что только щепки летели из-под их устрашающих клыков. Но мало-помалу хищники успокоились и разлеглись под деревьями, точно решили ждать, пока люди не слезут...

Шли минуты. Прошел час, другой. Махайроды и не думали уходить. Времени от времени некоторые хищники куда-то убегали и снова возвращались. Очевидно, они устроились здесь надолго.

Прошел еще час. Положение людей становилось безвыходным.

Оставалось испытать другой путь к спасению — бе-

жать по деревьям, как обезьяны.

Вожак перебрался на соседнее дерево; за ним остальные. Потом на третье. Хуже всех пришлось матерям с детьми, но кое-как перелезли и они. Дальше все стало хуже. Следующее дерево стояло не так близко, и перебраться на него было не так-то легко. Ловкий Ра прыгнул на ветвь этого дерева, однако она так согнулась и зашаталась, что остальные не могли и надеяться последовать за ним.

Если бы наши люди умели рассуждать, они в эту минуту наверняка пожалели бы, что мало походили на обезьян.

Тем временем махайроды услышали шорох в ветвях и бросились вслед за людьми. Осажденным ничего не оставалось, как отказаться от своего плана.

Внезапно в лесу раздался шум. Хищники вскочили и стали прислушиваться. Среди деревьев показался носорог. Махайроды ринулись к нему и окружили со всех сторон.

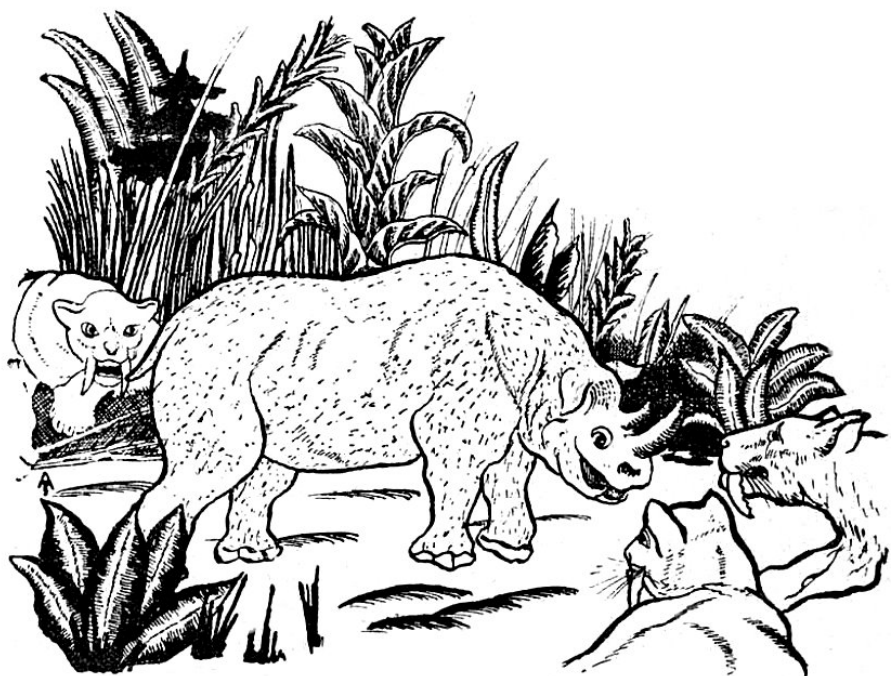
Носорог глухо заревел, нагнул голову и бросился на ближайшего хищника. Махайрод отскочил, и в тот же миг четыре пары клыков в четырех местах разодрали шкуру носорога.

Страшный рев прокатился по лесу, и носорог, как бешеный, начал метаться во все стороны. В отчаянии он проявил такую ловкость, какую никак нельзя было ожидать от этой неуклюжей громадины. Но ему удалось пронзить рогом только одного врага, тогда как сам он получил не менее десятка ран.

Как ни страшны были эти раны, для такого огромного толстокожего животного они еще не были смертельными, поскольку внутренние органы оставались неповрежденными. Сражение продолжалось...

Носорог уничтожил еще одного врага, но зато сам превратился в грудку мяса, свисавшего клочьями со всех сторон. Собрав оставшиеся силы, зверь бросился вперед, но тут же грохнулся наземь, и на него напали махайроды.

Лишь тогда люди осторожно слезли с деревьев и потихоньку двинулись дальше.



IV

Ненастье. Приют в пещере. Изгнание. Удивительное явление. Огонь погас!..



же много дней стоит дождливая погода. Солнце ненадолго выглянет и снова прячется, не успевая просушить землю. В лесу по ночам страшно сыро и холодно. Долгие часы сидят люди где-нибудь под деревом, прижимаясь друг к другу и стараясь согреться. По всему телу беспрерывно течет вода; под ними набухают лужи. А ночь тянется, тянется

бесконечно.

Наступает день, такой же облачный и дождливый, и приносит с собой только голод. Люди бродят по окрестностям, безмолвные и хмурые, довольствуясь всем, что попадает в руки. Исчезло их прежнее товарищество. Никаких «разговоров», никаких жестов. На звериных лицах осталось мало человеческого; все чаще и чаще они взрываются злобой. Как-то раз из-за жалкой лягушки едва не перегрызли один другому горло.

Мало-помалу они начали выбираться из влажного леса, направляясь в сторону возвышенности. Лес поредел, небо немного прояснилось, и они увидели перед собой новую местность. Вместо леса впереди лежала гряда каменистых холмов; между ними высилось множество громадных скал. В нескольких шагах от них две такие сомкнутые скалы образовывали нечто вроде навеса или каменной хижины. И когда вновь начался дождь, люди, разумеется, направились к этой пещерке. С каким же удовольствием мокрые и усталые люди расположились в сухой пещере! Казалось, они мгновенно забыли о голоде, холоде и обо всех прочих бедах. Кто сидел, кто лежал на сухой земле; быть может, впервые лю-

ди почувствовали себя «как дома».

А там, снаружи, ненастье разгулялось не на шутку. Особенно бесновался ветер, грозивший перейти в бурю. Все ближе раздавались раскаты грома.

Капли дождя долетали теперь до середины пещеры. Тут только люди заметили, что в другом конце ее, чуть повыше, тоже имелось отверстие, сквозь которое и падали капли. Не беда: расселись по углам — и все хорошо.

Буря те временем усиливалась; гром грохотал уже над самой пещеркой. Но зато как приятно было чувствовать, что он где-то далеко, что в пещере сухо и спокойно, тогда как там...



Но вот на сером фоне входа обозначился какой-то большой темный силуэт, остановился, будто в удивлении — и слышался грозный, хриплый рев. Явился «хозяин дома», так называемый пещерный лев. Хотя его и нельзя было назвать царем тогдашних зверей, древним людям тех времен он, во всяком случае, казался царем.

Как безумные, бросились люди в другой конец пещеры, где, на их счастье, располагался второй выход. Зверь громко ревел им вслед. Рев заполнил всю пещеру и заглушил все: и крики ужаса, и шум бури, и даже грохот грома.

У выхода люди давили, душили друг друга. Каждый хотел выбежать первым. В вожаке в эти минуты проявилось нечто человеческое: он оттолкнул мужчин, успевших оттеснить от выхода женщин и детей, раздвинул в стороны толпу — и тем помог всему племени быстро выбраться из пещеры. Помогло и то, что лев немного замешкался, не зная, что за враги пробрались в пещеру и сколько их там. Когда же он прыгнул, то успел лишь чуть оцарапать выходившего последним.

Но без несчастья все же не обошлось. В суматохе у одной из женщин выскользнул из рук полугодовалый младенец. Он плакал, оставшись один в пещере, а мать металась у входа и не знала, что предпринять. Сердце ее разрывалось от жалости; несколько раз она бросалась вперед, будто намереваясь напасть на льва. Но она чувствовала, что попытка спасти ребенка окажется тщетной, тем более, что она осталась в одиночестве: прочие успели убежать.

А те без оглядки помчались в лес. Они словно по-прежнему слышали страшное рычание льва, к которому присоединялись раскаты грома и вспышки молний. Они остановились под ветвистым деревом, тесно сбились в кучку и так и стояли, дрожа от страха и холода. Дождь лил, как из ведра.

Между тем, лев-победитель расположился в собственном логове. Он даже не убил ребенка, а лишь с интересом присматривался к этому незнакомому существу. Ребенок жалобно пищал, размахивая ручками и ножками. Лев осторожно тронул его лапой, затем перевернул. Ребенок закричал еще громче.

Наконец эта забава надоела льву, и он придушил ребенка, придавив его своей тяжелой лапой. Лев был сыт, спокоен, ему было тепло и ничто не угрожало. Ему не к чему было ломать голову над тем, как выжить. Он и не обратил бы внимания на этих ничтожных двуногих существ, не забредли они в пещеру.

Когда крик ребенка оборвался, мать отошла от пещеры и направилась вслед за остальными. Сердце ее терзала потеря ребенка. Но стало еще хуже, когда она оказалась одна среди тьмы и бури. Ей никогда еще не приходилось оставаться в одиночестве. Люди всегда держались друг друга; только так они могли существовать. И в этом заключалось будущее преимущество человека в борьбе с такими сильными зверями, как львы, которые никогда не ходят стаей.

Хорошо еще, что люди убежали недалеко и остановились под первым попавшимся деревом. Лишь благодаря этому несчастная мать набрела на них — иначе она бы погибла, как не раз случалось с другими. Никто даже не знал о ее горе. Все только чувствовали, что им плохо, плохо вообще, но не сохранили память об отдельных эпизодах случившегося. Лишь у двух-трех человек мелькали в сознании какие-то туманные образы: вожаку, например, представлялась утраченная пещера, где было так сухо и хорошо, и зверь, который их выгнал. Заметно было, что некоторые волновались, ерзали, злились, а значит, раздумывали о происшедшем.

И это было чрезвычайно важной способностью, так как означало, что они переживали впечатление в отсутствие его причины, то есть могли размышлять о прошлом. А их могучие враги этого не умели. Зверь мог оценивать только настоящее — то, что находилось перед его глазами. Он был не в состоянии размышлять о свершившихся событиях.

Мальчик Ра все это время сидел на дереве и уже довольно долго наблюдал за каким-то необычным явлением в лесу. Что-то белое, светлое проступало вдалеке между деревьями. Хотя вокруг было темно, в этом месте деревья были хорошо видны и, казалось, шевелились. Ра не смог сдержаться с любопытства, слез с ветки и стал красться к непонятному месту. Свет все мерцал, деревья шевелились.

Ра подкрался совсем близко и обомлел от страха и удивления. На полянке лежало большое старое дерево, расщепленное молнией. Сухое дупло его горело; языки пламени вились и лизали упавший ствол. Здесь было светло и уютно. Ра спрятался за деревом и долго глядел оттуда на это странное зрелище. Подойти ближе он боялся.



Но все вокруг было таким спокойным, таким безмятежным, огонь так ласково потрескивал, что Ра осмелел и вышел из-за дерева. Осторожно, бочком, он начал приближаться к огню, готовый тотчас убежать, если эта неведомая тварь решится на что-нибудь недоброе.

Но «тварь» вовсе не думала бросаться на Ра. Напротив, ее ласковость и милые плавные движения словно манили к себе. Ра подошел совсем близко и ощутил приятное тепло.

Невольно он протянул руки к огню и неподвижно простоял несколько минут. Потом повернулся и побежал к своим.

Размахивая руками и указывая в сторону огня, он принялся звать за собой старших, все повторяя: «О, о!» Вскоре все заметили слабый свет и последовали за мальчиком.

Как и Ра, они сперва со страхом выглядывали из-за деревьев и не решались подойти. Лишь когда Ра смело подошел к огню и протянул руки к нему, остальные приблизились и обступили огонь.

Можно себе представить, что должны были почувствовать эти промокшие и замерзшие люди!

Глаза заблестели, лица сразу оживились, искривились, и казалось, на них вот-вот расцветут улыбки.

И полянка вся ожила, снова слышались голоса, — «разговоры». Люди весело сутились у огня. Матери поднимали детей на руках и протягивали их к огню.

Кто-то даже так осмелел, что попытался схватить рукой язык пламени, но тут же вскрикнул и в диком страхе побежал прочь. А за ним и все остальные... Поляна мигом опустела, только из-за деревьев с опаской выглядывали испуганные люди. Да и было чего испугаться: оказывается, это существо, казавшееся таким ласковым и добрым, тоже умеет нападать и кусаться. А что, если оно погонится за ними?

Но огонь вовсе не думал гнаться за людьми. Он все так же шевелился своим месте, все так же ласково потрескивал, все так же светил и грел, маня к себе.

Люди осмелели и один за другим стали осторожно возвращаться к огню. Опять окружили его, и вновь им сделалось хорошо. Значит, все дело только в том, чтобы не трогать это животное, оно такого не любит. Но само, как видно, никому не желает зла. Напротив, до сих пор люди не встречали ни одного зверя, который проявлял бы к ним подобную доброту.

Посреди лесной тьмы людям было светло и тепло. Их шерсть просохла. И настроение быстро улучшилось.

Они уже совсем позабыли о недавнем происшествии в пещере и всем своим существом наслаждались чувством счастья и покоя.



Люди впервые видели и ощущали огонь, тот огонь, без которого человек не был бы человеком. Уважение, благодарность, страх переполняли их сердца; такие же чувства миллионы людей испытывают до сих пор, сталкиваясь с явлениями, которых они не понимают.



А в нескольких шагах от круга света притаилась ночь, словно ставшая еще более темной, злобной, сырой и холодной. Она пряталась за деревьями и ждала, чтобы снова окружить собой людей.

Тем временем древесный ствол догорал. Постепенно, незаметно, но неуклонно огонь уменьшался. Становилось все темнее и темнее, а вместе с темнотой подступал и холод.

Неосознанное беспокойство овладело людьми. Они начали тревожно протискиваться ближе к огню.

Вот пламя исчезло. Ночь бросилась на людей из леса и воцарилась на полянке...

Но остались еще угли, которые немного грели. На них были направлены все взгляды, каждый старался придвинуться к ним поближе. Люди тесно сгруппировались у кострища; стоявшие позади уже ничего не видели, но всё пытались пробраться вперед, не сводя глаз с того места, где только что горел он, огонь.

Холод и сырость пробирали до костей, но люди пока еще этого не чувствовали.

Прошло еще несколько минут. Погасли и угли...

Тихий скорбный стон разнесся по лесу... Это человек прощался с самым дорогим, что было у него на земле.

И из глаз человека выкатилась первая слезинка...

Тогда ночь выползла из-за деревьев и вобрала в себя полянку и людей. Холод и сырость, к которым люди давно уже привыкли, теперь показались им непереносимыми. У обгоревшего пня, скорчившись, сидели темные фигуры...

И в их широко раскрытых от ужаса глазах все еще отражался огонь...

Развитие и упадок культуры. Незадачливые родственники. Оставленные позади.



а следующий день, с приходом солнца и тепла, память о тягостных переживаниях рассеялась, но впечатления минувшей ночи, как видно, еще сохранились. Люди не двинулись дальше, а все время кружили вокруг обгорелого пня, рассматривали его, копались в золе. С каким любопытством и радостью они об-

наружили, что там, в глубине, еще сохранялось тепло!

Особенно радовались дети. Они нашли так много интересного! Угольки, щепки, ветки, прутья, палки и палочки, обгоревшие, гладкие. Вскоре они вооружились — кто прутом, кто палкой — и началась игра.

Матери устроились под кронами двух огромных деревьев, склоненных над обгорелым пнем. Женщина, которая не так давно рыла землю с помощью сука, вновь нашла такой же инструмент. Видя это, и другие женщины последовали ее примеру — и впервые сознательно использовали орудие.

Ра повезло больше других. Ему попалась в руки весьма увесистая палка. Взявшись за более тонкий конец, Ра заметил, что его рука будто обрела дополнительную силу и мощь. А когда он случайно ударил палкой по ветке и сверху посыпались листья, игрушка ему совсем понравилась.

Он начал колотить своей палкой по стволам деревьев, по веткам, по земле, но не скоро ему удалось вновь нанести достаточно сильный удар. Он еще не умел бить как следует.

Взрослые занимались своими делами и даже не смотрели в сторону детей. Вот из травы выпрыгнула лягушка.

Ра замахнулся на нее своей палкой. Конечно, промахнулся, но игра сразу стала занимательней. Присоединились и другие дети, тоже стараясь угодить по лягушке палками или прутьями. Лягушку окружили, слышались крики, игра сделалась веселой и общей, но только... никто из детей не смеялся, а редкие звуки, которые они издавали, были совершенно не похожи на громкие возгласы современных детей.

Лягушка поскакала дальше, в кусты, дети кинулись за ней, как вдруг отпрянули: они заметили змею. Правда, змея была довольно маленькая, но этой бестии человек всегда боялся.



И тогда-то человечество совершило новый величайший шаг. Ра подскочил к змее и осознанно поднял палку, собираясь ударить. Если раньше он ударил черепаху просто так, не зная, зачем и для чего это сделал, то сейчас он уже хотел поразить врага.

Удар пришелся змее прямо по голове. Она так завертелась и зашипела, что Ра снова отбежал назад. Увидев, что змея не гонится за ним, а вертится на месте, он вернулся и продолжал бить.

Теперь и взрослые обратили на это внимание.

Вожак подошел, взял в руки палку Ра, подержал, повертел, даже прикоснулся ею к змее, но ничего особенного не обнаружил. Для него, такого большого и сильного, эта палочка была слишком мала. Затем палку опробовали Кра и другие мужчины и даже некоторые женщины.

Между тем, женщины не на шутку увлеклись «земле-ройными работами». Все они уже рыли землю суками и обломками веток и, даже переходя на другое место, продолжали держать свои инструменты в руках. Но орудия все же редко задерживались у них надолго: сделав несколько шагов, женщины теряли их, тотчас о них забывали и продолжали трудиться, как делали «деды и прадеды».

В данном случае, однако, большое значение имело то, что люди некоторое время оставались на одной и той же стоянке. Потеряв или забыв свои орудия, они возвращались затем «домой» и там снова находили брошенные инструменты и вспоминали о них. Жаль только, что они не могли позволить себе долго находиться на одном месте: ведь им постоянно приходилось заниматься поисками пищи.

После «обеда», когда люди спокойно отдыхали на полянке, а Ра упражнялся со своим оружием, вожак опять заинтересовался тем, как от удара палкой трещат ветви, сыпятся листья, отлетают щепки.

Вот вожаку попалась в руки подходящая палка: не слишком длинная и не слишком короткая, гладкая и достаточно увесистая. И он почувствовал, что эта дубинка не только не мешает ему, но, напротив, придает уверенности.

После нескольких неудачных ударов он сумел ударить так, что ветка затрещала и на землю посыпались щепки.

Если бы перед ним оказался в эту минуту какой-нибудь зверь, человек догадался бы, вероятно, ударить его дубинкой, но случилось иначе — вожак немного поигрался с нею и отбросил оружие.

Ему было трудно и даже невозможно сразу осознать все значение оружия. Для этого он должен был бы рассуждать приблизительно так: «Вот эта вещь придает рукам силу. Ею можно защищаться от врага и убить добычу. Лучше все-

гда иметь ее при себе...»

Но рассуждать так древний человек еще не умел, а значит, не мог и осознанно использовать свое изобретение.

Люди провели на стоянке весь день и всю ночь, а утром, не успев еще слезть с дерева, заметили, что с соседнего дерева на них глядят какие-то странные существа. Они были очень похожи на людей, но более подвижны, и все время корчили такие гримасы, словно смеялись или дразнились.

Это к людям пожаловали в гости «милые родственники» — обезьяны.

Люди и обезьяны рассматривали друг друга с большим любопытством. Казалось, и те, и другие чувствовали, что приходятся друг другу родней.

Во всяком случае, было вполне понятно, что враждебности обе стороны не испытывали. Затем они сошлись, перемешались и начали осматривать и ощупывать друг друга.



Одной из обезьян понравилась красавица Агу. Ухажер начал так преследовать ее, что ей пришлось убежать от него на землю.

Вскоре людям надоело новое знакомство, и они один за другим спустились вниз.



Обезьяны остались на дереве и лишь переглядывались, словно произнося: «Вот тебе и на!» Они с завистью смотрели, как люди свободно ходили по земле, прямо и твердо держались на двух ногах и уверенно владели свободными руками.

Обиженный «кавалер» решил показать себя, спустился на землю, встал на две ноги и двинулся к Агу.



Он шел сгорбившись, пошатываясь на коротких кривых ногах, опираясь о землю длинными руками, и вид у него был при этом такой смешной, что девушка остановилась и наградила его презрительным взглядом.

«Кавалер» тотчас опустился на все четыре лапы и полез обратно на дерево.

А она гордо отвернулась и пошла прочь. Как бы мы ни воспринимали тогдашнего человека, обезьяна все-таки была ему не ровня.

Тем временем люди покинули стоянку и побрели дальше. Обезьяны еще долго следовали за ними по кронам деревьев, следя за каждым шагом родственников...

Но и гордый человек уходил с пустыми руками, как и пришел. Все его изобретения, все его орудия остались на месте стоянки.

Только Ра захватил свою палку, но вскоре выронил ее и позабыл о ней.

Однажды, когда все устроились на ночлег, Ра заметил на соседнем дереве какое-то сооружение из веток, похожее на огромное гнездо. Разумеется, он заинтересовался и решил исследовать находку. На дереве оказалось оставленное обезьянами логовище. Просторное, уютное, устланное мягкими листьями — о лучшем пристанище на ночь нельзя было и мечтать. Ра разлегся в гнезде, как на кровати. Это заметил другой мальчик и тоже забрался в гнездо. Места было достаточно, и оба заснули крепко, как никогда.

А когда проснулись — никого уже не было...

Их родители и братья, как всегда, встали спозаранку, собрались и тронулись в путь. Считать они не умели, о многом забывали — и ушли, не заметив, что двое из племени остались позади...

VI

Убежище в овраге. Гигант с неба. Еда для всех. Первое сражение с оружием в руках. Внезапное наводнение. И снова скитания.



Идя из леса, люди увидели перед собой глубокий и широкий овраг промытый течением. Сейчас на дне оврага журчал лишь небольшой ручеек, но во время дождей он превращался в полноводную речку.

На краю оврага лес заканчивался, а местность по другую сторону была уже безлесная. Люди спустились вниз и сразу поняли, что

овраг может стать для них прекрасным убежищем. Крутой склон в одном месте выступал, как козырек, и в этом природном гроте можно было укрыться от дождя и ветра. Другой склон весь день пригревало солнце, которому здесь не мешали деревья. В двух шагах ниже бежала чистая вода ручья. Одним словом, лагерь на славу.

Несколько дней прожили люди в гроте. Отправлялись «пасться» или на охоту и снова возвращались домой. Все было бы хорошо, но с каждым разом приходилось уходить все дальше и дальше: пищи поблизости уже не хватало. И все-таки, пока было можно, они оставались на стоянке.

Однажды утром племя разбудил какой-то грохот. Земля словно сотрясалась. Иногда на головы людей осыпались комья глины. Шум продолжался достаточно долго, то приближаясь, то отдаляясь, но было очевидно, что доносился он сверху.

Люди встревожились, начали прислушиваться, но не заметили никаких признаков опасности. Внезапно раздался страшный треск, мелькнула падающая сверху верхушка де-

рева, земля обвалилась, а за ней вниз обрушилась целая гора и перегородила весь овраг.

Если бы она упала на несколько шагов ближе, древние люди погибли бы, но все обошлось: некоторых лишь немного присыпало землей да дерево загородило вход в грот. Оно упало кроной вниз, и вывернутые из земли корни зацепились за край оврага.

Нечего и говорить, как испугались люди! С опаской поглядев сквозь ветви упавшего дерева, они совсем окаменели: гора шевелилась, тряслась, комья земли разлетались во все стороны, а вода в перегородженном ручье поднялась и каскадом переливалась через запруды...

Наверху же произошло следующее.

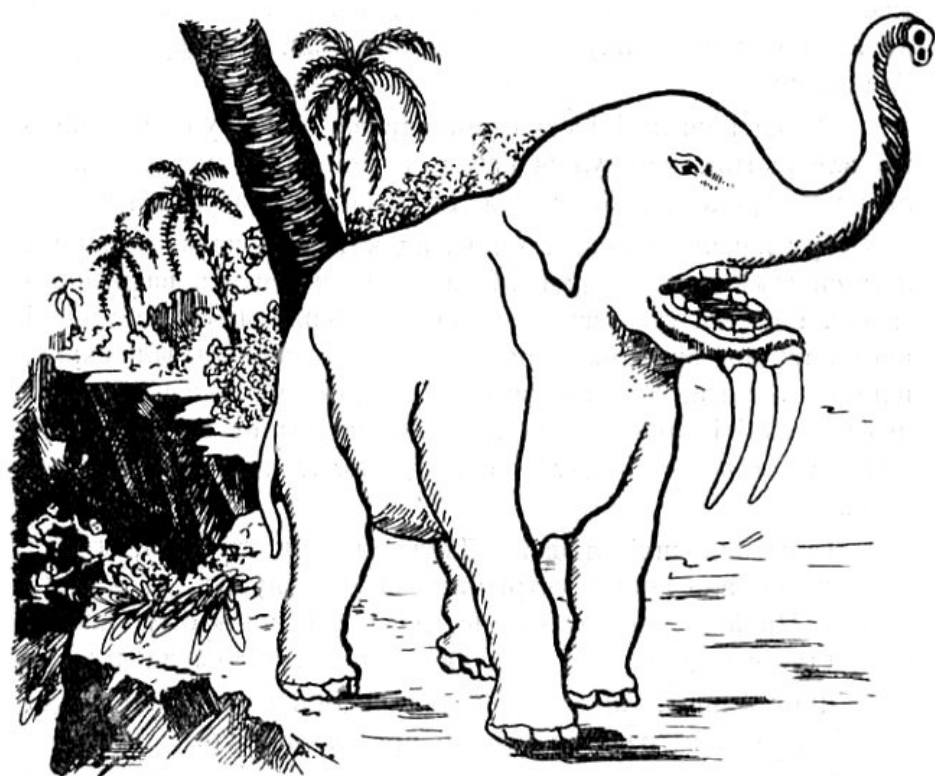
По лесу шло огромное животное, очень похожее на мастодонта, но еще крупнее и лишенное хобота; клыки-бивни торчали у него не вперед, а резко вниз. Это был динотерий (или диноцерий), самое крупное млекопитающее, когда-либо жившее на земле, если не считать обитателей морей и океанов. В те времена, о которых мы рассказываем, динотерии уже вымирали, и возможно даже, что этот динотерий был на земле последним.

На зверя напали уже известные нам махайроды. Защищаясь от врагов, динотерий все отступал, пока не приблизился к обрыву. Он оперся задом о дерево, росшее на самом краю, и приготовился к обороне. Позицию он выбрал хорошую, так как был защищен от нападения сзади.

Но... дерево не выдержало, сломалось, и несчастный зверь полетел вниз вместе с ним...

Динотерий лежал на боку, поперек рва, крепко зажатый с обеих сторон. Ручей постепенно размыв землю и струился теперь под зверем, как под мостом. Динотерий был еще жив: несколько незначительных ран от клыков хищников ему не повредили. Он бился, хрипел, но все было тщетно...

Люди выбрались из-за дерева и хотели было к нему подойти, но вдруг бросились назад и снова спрятались: в овраге появились махайроды. Хищники приближались к своей добыче.



И тогда началось нечто такое, от чего даже у древних людей сжалось сердце. Махайроды набросились на еще живого зверя и начали раздирать его на куски. А гигант только дрожал, хрипел и ничего не мог поделаться. Махайроды разорвали в нескольких местах шкуру и начали выедать мясо, а динотерий все еще оставался в живых, так как при его размерах и толщине эти раны не были смертельными. И когда махайроды наелись и ушли, динотерий был еще жив.

Тогда его обступили люди. Они давно не ели мяса, их терзал голод, но что-то удерживало их на месте и не позволяло накинуться на живого зверя. Прошло какое-то время, зверь все еще был жив и... постепенно люди один за другим приступили к трапезе...

Хорошо еще, что им помогли махайроды, иначе людям ни за что не удалось бы прорвать толстую шкуру.



Но едва они начали «завтракать», как явились гиены. Эти отвратительные твари издали чуют, где можно поживиться, и всегда успевают на пиршество. Обычно они сидят в сторонке и ждут, пока более сильный зверь (лев, тигр) не насытится, а затем пожирают остатки.

Таких же ничтожных зверей, как тогдашний человек, гиены совсем не боялись и не уважали — и сразу двинулись вперед.

Тут-то и помогли прежние попытки человека применить орудия либо оружие.

Вожак и Кра подняли по суку и... хватили по спинам непрошенных гостей. В первый момент могло показаться, что необычное поведение людей скорее удивило, чем устрасило гиен. Они никогда не видели ничего подобного!

Гиены разъярились и полезли в драку. Но теперь уже не только вожак и Кра, а и все, кто только мог, схвати-

лись за оружие — и гиены были вынуждены бежать, потеряв одного зверя убитым. Человек победил!

Победил врага в бою *с оружием в руках!*

И эта победа имела для всего человечества куда большее значение, чем все наши сражения с использованием пушек, танков, бомб и так далее.

Однако новое происшествие помешало людям как следует усвоить и закрепить в сознании приобретенный опыт.

Уже какое-то время вдалеке грохотал гром, но дождь прошел стороной.

Спустя еще немного времени вновь раздался неясный гул, который все приближался и приближался. Ручей начал взбухать, и через минуту в овраг хлынула высокая волна. На миг вода забурилась у туши динотерия, завертелась, поднялась. Вот труп зашевелился, сдвинулся с места.

Вода все прибывала, напирая, добираясь до людей. Люди полезли на дерево. Вода поднялась еще выше. Тушу динотерия развернуло течением и понесло на дерево, где мертвое животное зацепилось за ветки. Люди стали поспешно спускаться, несколько человек успели слезть, но дерево не выдержало натиска, ствол отломился от застрявших наверху корней и рухнул в воду.

Вода увлекла за собой и дерево, и людей, и разлагающийся труп зверя...

Все это произошло очень быстро, но люди легко отделились — наводнение закончилось так же быстро, как началось, вода спала.

Однако «дом» их был уничтожен, почва стала влажной и склизкой. Людей снова ждали скитания...

VII

Богатый уголок. Битва гигантов. Возрождение культуры. Нападение крокодила. Чудо на реке. Вынужденное бегство.

Продвигаясь по дну оврага, наше племя вышло к широкой реке. Берега ее были довольно крутыми, и здесь люди нашли пристанище куда лучше прежнего. Место было очень удобное: тут и лес, и луга, начинавшиеся за оврагом, и прозрачная река, и заросли камышей на песчаных наносах в том месте, где в реку впадал ручей. А на горизонте виднелись горы; над ними клубились не то тучи, не то дым.

Племя с удобством расположилось под выступом прибрежного склона. Сама пещера находилась не у воды, а гораздо дальше и выше, что позволяло держаться в стороне от нежелательных соседей, которые могли водиться в реке. Наверху простиралась безлесная равнина, и люди теперь не опасались, что сверху на них свалится какое-нибудь страшилище.

В этом уголке было все, что нужно для жизни: и лесные плоды, и рыба в реке, и степные и луговые травоядные звери и, наконец, множество птиц, населявших камыши.

Все было, только человек еще не знал, как всем этим воспользоваться.

Правда, птицы, как говорится, сами лезли в руки. Они никогда видели человека, никто на них не охотился, и они не ведали, что им следует остерегаться этих двуногих зверей.

Цапли, утки, веретенники, журавли, чайки возились в камышах и взлетали над водой целыми стаями. Длинноногие фламинго стояли на одной ноге, как стражи, а забавные горбатые пеликаны бестолково переминались на одном месте.

Когда вожак схватил одного из пеликанов, остальные лишь немного отступили, удивленно глядя на поднимающую-

ся возню.

Вскоре берег, как снегом, покрылся перьями, а пух носился, как облако. Хорошо наелись люди в тот день! Но птицам это не понравилось, и они они начали сторониться незваных гостей.

Остаток дня люди спокойно отдыхали, перебрасываясь немногими известными им словами. У них появилось и новое слово, означавшее всю совокупность обитавших у реки птиц.

Подходили к воде, нагибались и глядели на рыб, даже подталкивали друг друга, указывая на рыб руками и произнося какие-то слова — каждый свои. Впоследствии одно из этих слов приживется и будет означать всех рыб в целом.

Но вдруг перед ними высунулась из-под воды жуткая, продолговатая и плоская голова с огромной зубастой пастью. Люди в ужасе закричали и отскочили назад. Их крики встревожили и крокодила, и он снова исчез под водой.

Ночью раздавались какие-то звуки, чей-то грохочущий топот, но усталые люди ничего не слышали и спокойно проспали до самого утра.



больше всполошились, — и в конце концов наши охотники вернулись с одним фламинго, несколькими крохотными птенцами и яйцами.



Утром они снова отправились на охоту за птицами, но дело обернулось совсем иначе. Птицы уже поняли, что на озере появились опасные звери, и не желали дожидаться, пока их поймают. Пришлось за ними бегать, гоняться, поднялся шум, птицы еще бо-

Прибавив к этому лягушек, улиток и корней тростника, день прожили не хуже вчерашнего. И снова вспомнили об орудиях, и то один, то другой начали действовать палками, острыми камнями и особенно обломками костей, которых было много в дельте ручья.

От леса к реке шла узкая и крутая тропинка, являвшаяся единственным спуском к воде. Судя по звериным следам, животные часто проходили по этой тропе на водопой.

Несколько раз посреди реки раздавался шум, плеск, слышалось какое-то сопение; потом в реке начинал ворочаться непонятный громадный зверь. К берегу он не приближался. И этот неведомый водный зверь пугал людей гораздо сильнее, чем более опасные лесные хищники: тех, по крайней мере, можно было рассмотреть.

И вот как-то под вечер, когда люди уже собрались в своей пещере, зверь выбрался из воды. Вошел в камыши, распугал всех птиц и начал громко возиться в зарослях. Это был бегемот (гишпопотам), каких еще и сейчас достаточно в Африке.

В это же время по тропе спускались на водопой четыре мастодонта. Завидев гигантов, бегемот поспешно направился «домой». Мастодонты вошли в воду, напились, постояли немного и повернули назад.

Едва передний ступил на тропу, как наверху показались два носорога, которые тоже шли на водопой.

На узкой тропинке эти колоссы не могли ни разойтись, ни свернуть. Стычка была неминуема, тем более что носороги не упускали возможности схватиться с соперниками.

Передний носорог, спускаясь вниз, неожиданно для себя оказался между двух мастодонтов. Недолго думая, он наклонил голову вниз и в сторону и вонзил два страшных рога в живот мастодонта. Тот так взревел, что, казалось, задрожала земля, — и осел на задние ноги.

Затрубили остальные мастодонты*, заревели оба носороги. Эхо прокатилось по окрестностям, а люди забились в дальние уголки пещеры и затаили дыхание.

* Голос современных слонов подобен звуку трубы.

Между тем, задний мастодонт уже вонзил свои саженные бивни в шею носорога, и тот упал рядом с раненым мастодонтом. Второй носорог, увидев, что остался один против троих, начал поворачиваться, собираясь убежать, но в этот момент две пары бивней распороли ему бок.

Разбойники были побеждены. Раненный мастодонт сидел на задних ногах и стонал. Его товарищи стояли вокруг, обнюхивали раненого, притрагивались к нему хоботами, словно старались помочь ему встать.

Но он все больше слабел. Внутренности его вылезали из разодранного живота... Через некоторое время он замертво грохнулся на землю.

Долго еще стояли возле него мастодонты, а потом печально побрели в лес.

На месте сражения остались три гигантские туши, громадные, как горы.

После выполз из реки крокодил; разумеется, откуда-то явились и гиены.

Всю ночь испуганные люди слышали ворчание и возню у трупов.

А наутро настал и их черед полакомиться.

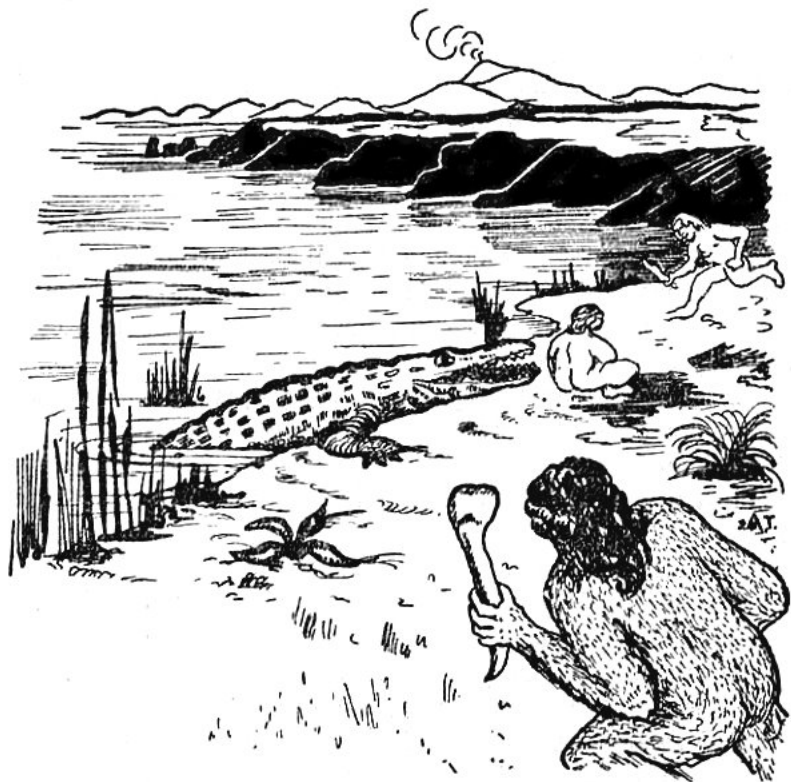
Для людей снова наступило время, когда им не нужно было заботиться о пище. Можно было подумать и о развлечениях. К примеру, почти все мужчины нашли для себя прекрасные игрушки из костей — вероятно, костей таких же зверей, как погибшие недавно на тропе. Игрушки эти были огромными увесистыми палицами, с которыми мужчины буквально не расставались; так они привыкали постоянно носить при себе какое-либо оружие.

Для резки мяса употребляли острые камешки, кости и ракушки, но главное — *осознанно выбирали самые острые*. Это уже было большим шагом вперед.

Мало того, свои «ножи» люди уже не выбрасывали, а хранили «дома». Тем самым у них появилась первая домашне-хозяйственная утварь.

Однажды в полдень люди лежали в тени и наблюдали, как шестилетний мальчик играл у воды. Внезапно показался крокодил и ринулся на ребенка с разинутой пастью.

Несколько мужчин мигом вскочили, размахивая костяными палицами, в последнюю минуту подбежали к воде и оглушили крокодила ударами по голове. Мерзкая гадина завертелась на месте и с трудом поползла обратно.



У всех вырвался крик радости. Нечто похожее на улыбку осветило лица. И много звуков-слов вырвалось с их губ. Теперь человек уже хорошо знал, что такое оружие!

Ночью людей разбудил какой-то особенно сильный, но глухой рокот. Даже земля задрожала, а прибрежные склоны частью обвалились.

Люди в ужасе вскочили, выбежали наружу, присмотрелись, прислушались — ничего не видеть, все спокойно. Ночь темная, но тихая, только где-то вдалеке бушует гроза.

Тревога оказалась напрасной; люди вновь улеглись спать и безмятежно проспали всю ночь, хотя и слышали сквозь сон тот же приглушенный гул.

Наступил день, жаркий, но какой-то тусклый: над рекой будто стоял сухой туман или расплывалось облако пыли. Но самое удивительное происходило на самой реке.

Она чуть ли не вполовину обмелела, и над водой висел густой белый туман, который с течением времени не только не рассеивался, но становился еще гуще.

По берегу с тревожным ревом взад и вперед метался бегемот. Только крокодил весело плескался в воде, но вскоре и он выполз и спрятался в камышах.

Затем из реки начали выпрыгивать рыбы. То тут, то там высывались из воды их головы, чем дальше, тем чаще, и наконец вся река покрылась прыгающими рыбинами. И откуда они только брались? Ни одна пятя воды не оставалась спокойной. Многие рыбы выбросились на берег, другие перевернулись кверху брюхом и плавали, как мертвые.

Люди тотчас бросились их вылавливать, но с криками отскочили: вода была горячеей!

Недоуменно глядели они на это странное явление, будто спрашивая друг друга: что за чудо такое? Но удивление не помешало им приняться за рыбу. Правда, она была еще недоваренной, но все-таки оказалась вкусней всего, что им доводилось пробовать до сих пор.

Тем временем рыбы перестали выпрыгивать из воды. Слой мертвой рыбы устилал реку.

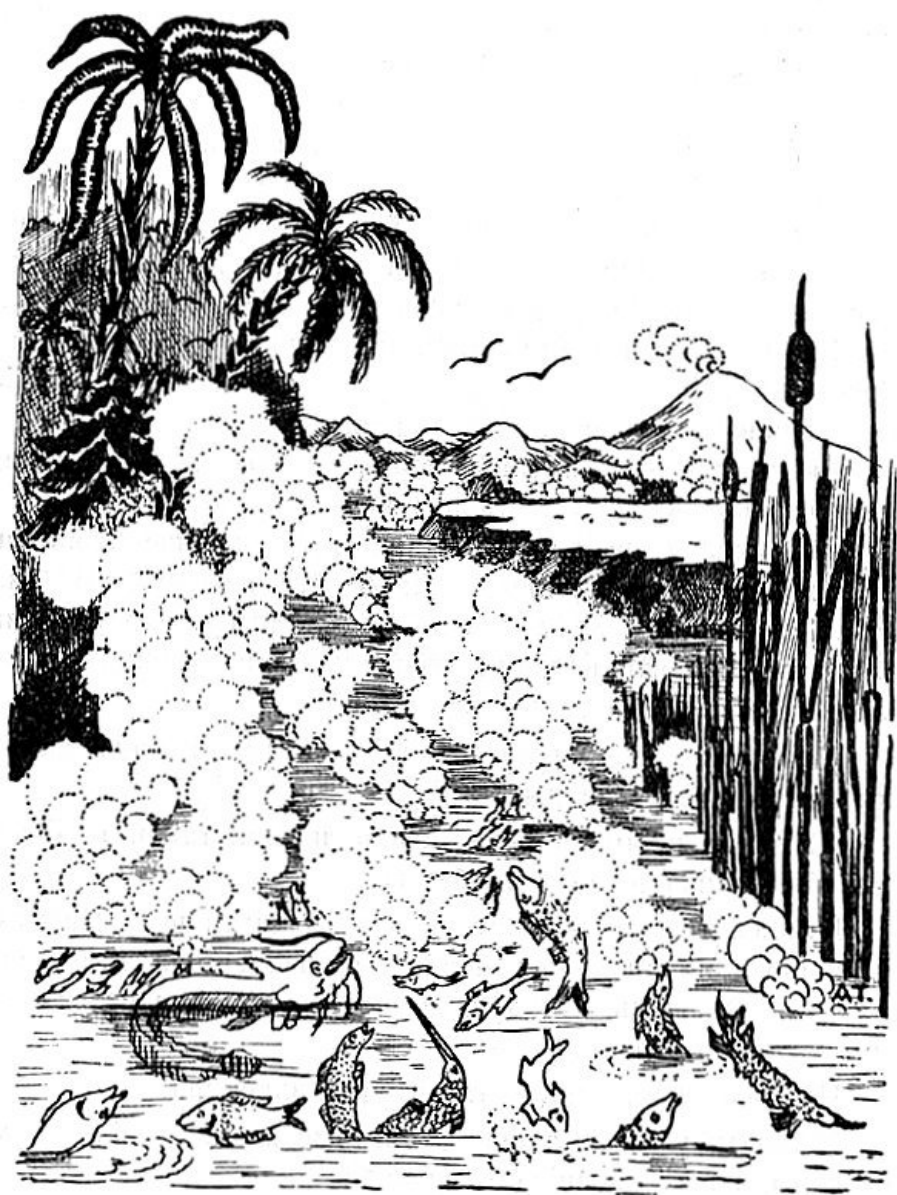
Щедрая природа угостила людей такой ухой, какую еще никто и никогда не едал и не видывал.

Люди так наелись, что еле волочили ноги. Они уже перестали удивляться и утратили интерес к необычайному явлению. Во-первых, потому, что не умели рассуждать, а во-вторых — к чему тут долго рассуждать? Бери и ешь, когда дают!

Чем же объяснялось это странное явление?

Километрах в 60 от стоянки людей, там, где на горизонте дымились горы, начал извергаться вулкан.

Поток лавы медленно пополз в долину, где протекала река. Вот он достиг воды. Забурлила, зашипела вода, и густой



белый пар заполнил долину. Лава упорно продвигалась все дальше и дальше; вот уже лавовый поток достиг середины реки. Сквозь пар было не разобрать, что там творилось. Но мы вполне можем себе это представить.

А лава текла все дальше и дальше, добралась до противоположного берега и растеклась у склона. Возникла огромная запруда, через которую и хлестала вода. Трудно описать, что там происходило! Но в целом можно сказать, что вода нагревалась и становилась горячей...

Жажили наши древние люди, как буржуи. Но... продолжалось это недолго.

Через день рыба была уже не такой вкусной, на второй день — начала вонять, а на третий уже издавала такое зловоние, что приходилось убегать от нее подальше. А если добавить к этому смрад, что издавали погибшие гиганты, которые успели совсем разложиться — станет понятно, что долина превратилась в ад, какой даже самые неприхотливые животные выдержать не могли. Кроме того, люди лишились и питьевой воды, так как ручей в овраге пересох в отсутствие дождя.

Как ни терпели люди, как ни держались, но наконец им пришлось покинуть этот богатый уголок, где они провели столько счастливых дней и сделали значительный шаг вперед в своем развитии.

Когда они уходили, лишь четверо мужчин несли в руках оружие, да и то только потому, что эти кости показались им особенно занятными.

Вся остальная утварь осталась на месте. У людей не было ни карманов, ни мешков, ни веревок; конечно, орудия и утварь можно было нести непосредственно в руках, но для этого необходимо было помнить, что подобные вещи могут когда-нибудь пригодиться. А это уже было не так-то просто.

От людей еще нельзя было требовать, чтобы они с какой-либо определенностью думали о будущем. Достаточно уже того, что они научились думать о настоящем.

VII

**Блуждания по лесу. На лугу. Жареный кролик. Игра с
огнем. Пожар! Ночь у костра. Снова в пещере.
Неожиданная встреча. Смех победителей.**



осмотрим, что случилось тем временем с оставшими в лесу от своих мальчиками.

Нечего и говорить, что на душе у них было очень тяжело. Они с недоумением озирались, бросались во все стороны, снова возвращались на прежнее место, пока голод не заставил их прервать поиски сородичей и заняться поисками пищи.

щи.

Они не могли ни посоветоваться друг с другом, ни выбрать хоть какое-то направление. Они лишь держались друг друга и без толку кружили по лесу. И когда наступил вечер, они очутились не слишком далеко от места прежнего ночлега.

К вечеру они во всей полноте ощутили чувства одиночества и страха и задолго до темноты полезли на дерево, стараясь вскарабкаться как можно выше.

Так они день за днем блуждали по лесу. Эти дни самостоятельной жизни наградили их опытом, что был много ценнее всего пережитого за предшествующие годы. Раньше им только и было заботы, что забраться на дерево, когда раздавался тревожный крик вожака. А теперь им самим приходилось заботиться о себе, и они проявляли даже чрезмерную осторожность: при каждом шорохе, треске, стуке бросались бежать со всех ног, как зайцы; от любой козы спасались, как от тигра. Но зато по-настоящему страшные хищники не успевали их даже заметить.

Благодаря всему этому между ними установилась та-

кая близость, о какой они прежде и помыслить не могли. Они ни на шаг не отходили друг от друга и научились по выражению лица и жестам понимать, что каждый из них думает.

Одновременно развивался и разум, появилось еще несколько новых слов. Бестолковая пугливость постепенно заменялась спокойной осторожностью, внимательностью и некоторой рассудительностью.

Одним словом, это приключение обещало стать хорошей школой для наших ребят — если, конечно, они выйдут из него живыми.

Но легче рассуждать, чем проходить такую школу на деле... Как натерпелись ребята за это время! Сколько раз были на волосок от гибели! Как часто им приходилось голодать, мерзнуть!

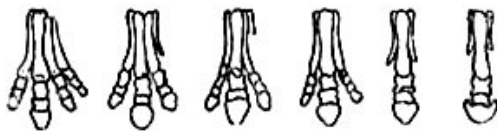
Несколько недель тянулись бесконечно и показались им годами. Казалось, они всегда жили так, а прошлое было лишь далеким сном.

Однажды они вышли из леса и увидели перед собой местность, напоминавшую ту, где они когда-то вместе со всем племенем нашли временный приют в пещере.

Холмы чередовались с долинами, а на горизонте высились горы.

После влажного, мрачного леса ребятам приятно было выйти зеленый, залитый солнцем луг.

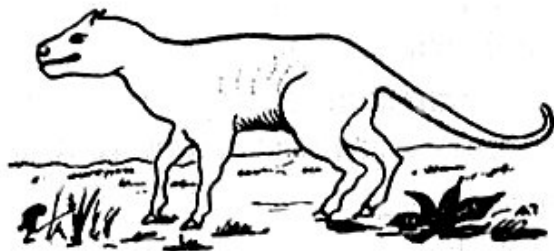
Здесь также было немало животных, но они во многом отличались от лесных. Сперва мальчики чувствовали себя очень неудобно: здесь было бы трудно спрятаться, если бы кто-то решил на них напасть. Однако звери казались более миролюбивыми, чем в лесу, и никто не собирался на ребят нападать.



Вот резво подбежал какой-то зверь, похожий на лошадь, но размером поменьше; на ногах у него было по три паль-

ца: средний большой, а сзади два маленьких, и на каждом пальце по копытцу. Это был гиппарион (или гиппоттер), предок нашей лошади*.

Ребята ша-
рахнулись от не-
го в сторону, а
он — от них:
друг друга испу-
гались. Потом по-
дошел еще один
зверь с длин-
ной шеей и с ин-
тересом стал рас-
сматривать ребят.



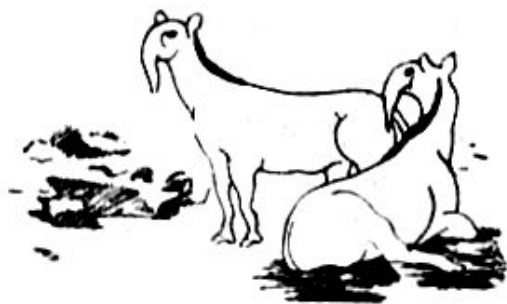
Встречались и другие животные, отдаленно напоми-
навшие коров или овец, но все какие-то странные или, как
мы сегодня сказали бы, смешанные: вроде бы коза, но без
рогов и с длинным хвостом; или корова, но с зубами, как у
свиньи; свинья, но с медвежьими лапами и так далее.

Все это были предки наших современных животных. Они
тогда еще, так сказать, не отделились от одной и той же вет-
ви, от которой позднее пошли потомки — и козы, и овцы,
и коровы, в зависимости от того, кому в каких условиях вы-
пало жить.

Для наших же ребят главным было то, что все эти жи-
вотные были травоядными, не хищниками. Они спокойно
паслись на лугах и ничем не угрожали. Ребята успокоились,

* Происхождение лошади вполне досконально исследовано наукой. Можно отчетливо проследить, как от первого предка с пятью пальцами произошла современная лошадь с одним копытом. Рисунок на предыдущей странице изображает ряд передних ног, начиная с 4-пальцевого «орогиппуса» и 3-пальцевого гиппариона и заканчивая современной лошадью. Разумеется, изменения эти происходили в течение миллионов лет, но кости допотопных предков лошадей люди все-таки сумели найти.

осмелели и чувствовали себя значительно лучше, чем в темном опасном лесу.



С другой стороны, пищи для них здесь было меньше. Правда, тут водилось много мышей и кроликов, но поймать их в поле было очень трудно. Ребята попробовали на вкус одну, другую траву, выкопали

кое-какие коренья, но ничего стоящего не нашли. Несколько раз им попались какие-то колоски с зернышками, которые им очень понравились, но разве наешься этими немногочисленными колосками?

И тогда ребята решили изловить кролика. Голод заставил их долго и упорно преследовать добычу, пока кролик не стал уставать. Наконец они загнали кролика в угол: здесь ложбина, сужаясь, переходила в голое каменистое плато.

Оно располагалось невысоко и было довольно ровным, но каким-то сморщенным, похожим на затвердевшую кашу. Ребята к тому времени сильно устали; особенно донимал их жар, исходивший, казалось, из-под этой каменной поверхности.

Загнанный кролик, не находя нигде спасения, кинулся на камни и начал совершать такие скачки, что ребята остановились и разинули рты.

Кролик подпрыгивал, как бешеный, ни на миг не оставаясь на земле: едва опускался на камни, как сразу же снова подпрыгивал как можно выше.

Через несколько минут он начал ослабевать, падать, но продолжал прыгать до тех пор, пока у него оставались силы подняться на ноги.

Затем произошло новое чудо: кролик задымился!

Дым усиливался, густел, и миг спустя шерсть на кролике занялась огнем.



Ребята тотчас вспомнили странное животное, которое они видели в лесу.

Шерсть обгорела, пламя погасло, но этим дело не закончилось: кролик продолжал поджариваться, шипя и треща, как на сковороде.

Приятный запах защекотал ноздри голодных ребят. Они бросились к кролику — и отскочили с нечеловеческим криком: что-то их так больно укусило за ноги, что даже в глазах потемнело.

А между тем, вкусный жареный кролик лежал совсем близко, всего лишь в двух шагах, и дразнил их своим приятным запахом. Голод мучил ребят все сильнее... Близился вечер, а за весь день они поживились лишь несколькими зернышками и жучками.

Положение становилось нестерпимым. Ребята ломали головы, стараясь что-то придумать, как вдруг на глаза им попала обгоревшая ветка с когда-то росшего здесь куста. Сразу вспомнились давние игры и забавы с такими же ветками...

Через несколько минут ребята уже подтянули к себе ветками жареного кролика*.

* Читатели, вероятно, уже догадались, что каменная площадка состояла из лавы, недавно вытекшей из жерла вулкана. А что означает в дан-

С каким же удовольствием впервые со дня сотворения мира человек ел жареное мясо! Наступал вечер, воздух становился холоднее, но как приятно, тепло и уютно было у этой печи.

Ребята стали для развлечения бросать на лаву ветки... и увидели, что те загорались светлым пламенем, таким же, как когда-то в лесу! Вокруг посветлело, осветились лица ребят, и вместе с этим светом на них словно засветились улыбки.

Вот огонь погас. Опять сделалось темно и неудобно. Тогда снова подбросили веток — и вновь стало светло.

Значит, они сами, по своему желанию, могли сотворить огонь?!

Эта мысль охватила все их существо. Они уже намеренно давали огню погаснуть, а потом снова вызывали его.

Несколько животных приблизились, остановились поодаль и удивленно наблюдали за действиями этих неведомых и маленьких двуногих существ.

А ребята бросили на лаву довольно длинную жердь. Когда один конец ее занялся, взялись за другой — и... огонь оказался у них в руках! Махнули раз-другой горящей жердью. Животные как взревели, как бросились наутек! А ребята так весело закричали, что крики их казались торжествующим хохотом победителя-человека.

Маленький горящий сучок отломился и упал на землю. К нему придвинули другую ветку — огонь перепрыгнул на нее. Пододвинули еще одну — то же самое.

Минуту спустя на земле горел костер, зажженный руками человека.

Забавляясь, бросили горящую ветку на новое место — и зажгли там новый костер.

ном случае слово «недавно», пояснит следующий пример: в Средней Америке путешественники как-то прикуривали от лавы, выброшенной вулканом... за 37 лет до этого!

Мальчики позабыли о сне и усталости. Только и думали, где бы найти еще ветку и подбросить в огонь. Повезло еще, что крутом валялось много хвороста, да к тому же хорошо просушенного: как видно, в ложине до извержения вулкана обильно рос кустарник.

Ребята собрали и сожгли все лежавшие поблизости хворостины — и только тогда рухнули на землю и заснули, как убитые.

Проснулись поздно. Тотчас вспомнили о вчерашнем и попробовали снова разжечь костер — все то же.

Но после вчерашнего ужина они чувствовали страшную жажду. Ближайший родник был достаточно далеко, у леса, откуда они вчера пришли. Терпели, терпели, но не выдержали и отправились на поиски воды.

Напились и пошли назад. По пути им вспомнилась вчерашняя охота на кролика. Захотелось повторить прежнюю хитрость, но на сей раз ничего не вышло: кролик убежал совсем в другую сторону. Вместо кролика поймали двух маленьких мышат. Но какие же они были невкусные по сравнению со вчерашним жарким!

Закусили травой и снова поиграли с огнем. Но часа через два вновь захотелось пить и пришлось тащиться обратно.

На обед им все же удалось поймать кролика. И вот, припомнив вчерашнее жаркое, они уже сами бросили его «на плиту»! Это было громадное достижение. Оно придало ребятам еще больше бодрости, уверенности в себе и, смело можно сказать, разумности.

Одна беда: всякий раз, чтобы напиться, приходилось возвращаться к лесу, а до него было не меньше двух километров. Да и животные, увидев, что здесь бродят какие-то беспокойные и опасные существа, поспешили убраться подальше.

Иногда ребята весь день охотились где-нибудь далеко, но на ночь возвращались к плато, чтобы погреться и поиграть с огнем.

Погода все время стояла сухая и жаркая. Трава на лугах высохла.

Однажды ребята разложили костер подальше, среди густой, сухой травы. Не успели они подбросить хвороста, как огонь сам пополз по траве. Дальше — больше, и разгорелся такой пожар, что ребята без памяти бросились в лес. А вместе с ними мчалось все живое. Под ногами мыши, кролики, крысы. Рядом — гиппарионы, антилопы, козы... Несколько раз животные сбивали ребят с ног. Каждый зверь думал только о том, как спастись.

Вот уже лес, ручей, а сзади настигает, припекает огонь. Перепрыгнули через ручей, побежали дальше — слышат, что позади стало тише. Оглянулись — огонь уже не гонится. Он остановился у берега и свернул в сторону.

Тогда вернулись обратно. На другом берегу чернело поле, дымились несколько обгоревших деревьев. Пожар гудел где-то далеко. Но прошло еще много времени, прежде чем ребята совсем успокоились.

Потом они осторожно перешли на ту сторону и двинулись по теплой земле. Чуть дальше, бредя вдоль леса, они наткнулись на зажаренное животное величиной с барана. Здесь они и остановились.

Но едва ребята приступили к еде, как из леса показался тигр. Они мигом бросились бежать и очутились на дереве. С какой завистью смотрели они оттуда, как враг пожирал их жаркое!

День подходил к концу, быстро темнело. И тут мальчики заметили, что где-то поблизости поблескивает огонь. Огонь теперь уже стал для них другом. Хотя тигр продолжал ужинать неподалеку, они тихонько спустились с дерева и направились к огню.

Горел толстый валежник. Горел слабо, еле светился. Но наши друзья с хозяйским видом и важными минами начали подбрасывать хворост. Огонь весело затрещал, пламя вспыхнуло и осветило тигра.

Хищник отвлекся от туши и бросил на ребят недоуменный взгляд, словно спрашивая: «Что это еще за шутки»? Кажется, это те самые жалкие существа, которые недавно удрали отсюда, но какие они теперь грозные, как смело возьмется там с этим светящимся и страшным... А теперь этот



жаркий ужас очутился у них в руках, и они так угрожающе размахивают им...

И тигр, опустив хвост, поспешил убежать в лес.

Тогда ребята перенесли свою добычу к костру и спокойно поужинали под охраной огня.

Вокруг лязгали зубами звери, но всякий раз, когда ребята подбрасывали хворост, особенно же, когда из костра с треском взлетали искры, звери отскакивали назад.

Но мы должны быть справедливыми и искренне поблагодарить этих зверей. Если бы они не лязгали зубами, ребята спокойно заснули бы, забыв о костре. Но теперь они были вынуждены все время поддерживать огонь, а значит, учились им пользоваться.

На следующий день огонь оказался в серьезной опасности. Солнце ярко светило, было жарко. Греться у огня было не к чему, да и свет его был едва виден. И когда появился вчерашний тигр, наши друзья даже не попытались отпугнуть его горящими ветвями, которые днем ничуть не казались страшными, а бросились наутек, как накануне.

К чему им было, в таком случае, поддерживать огонь днем? Они привычно бродили по округе и вдруг наткнулись на пещерку, откуда их когда-то изгнал лев. Правда, подробностей случившегося они не помнили, но какие-то воспоминания зашевелились в их сознании; по крайней мере, они твердо знали, что место это им знакомо и что когда-то с ними здесь произошло что-то неприятное.

Как бы то ни было, они удобно расположились в этой пещерке и несколько раз ходили к костру доедать барана. Там они забавы ради подбрасывали ветки в огонь и радовались, глядя на дым. Только благодаря этому и еще потому, что в костре оказалось несколько толстых бревен, огонь продолжал гореть до вечера.

И только вечером, когда в пещерке стало темно и неудобно, наши друзья почувствовали, что огонь снова может сослужить им добрую службу.

Через некоторое время в пещерке весело потрескивал костер.

Но тут обнаружилась новая трудность: ребята уже хорошо знали, что огонь необходимо поддерживать, подбрасывая в него дрова. Всякий раз, когда огонь начинал гаснуть, приходилось выходить за новым куском дерева.

Они пока еще не сообразили, что дровами можно запастись впрок. Так они промучились часа два, пока сами обстоятельства не вынудили их сделать некоторый запас. Сразу после этого оба мальчика уснули.

Через некоторое время в «дверь» осторожно просунулась голова человека. Он с любопытством посмотрел на огонь и с еще большим интересом оглядел спавших ребят. Потом человек тихонько вошел внутрь, а за ним появилось еще несколько человек.

Первый подошел ближе, присмотрелся к ребятам и вдруг что-то весело закричал. Испуганные мальчики спросонок вскочили — и узнали вожака, а потом и остальных соплеменников.

Невероятный шум поднялся в пещерке. Говорили все вместе, если только можно назвать речью те звуки, которые не понимал и тот, кто их произносил. Но возбужденные чувства теснились в груди, требуя выхода — и изливались во всех этих звуках, движениях, восклицаниях. В потоке звуков-слов выделялось слово «о-о», которое означало огонь: его понимали все.

Молодые хозяева подбросили хвороста, гости уселись у костра. Все были радостны, глаза блестели, на лицах проступали улыбки.

И вдруг у входа в пещеру раздался грозный рев льва.

Люди бросились в угол и замерли.

Но Ра ухватил горящую ветвь и смело бросился вперед. Лев как-то жалобно пискнул и исчез в темноте.

У людей отлегло от сердца, и на их лицах засиял первый смех...

ПРИМЕЧАНИЯ

Первая повесть белорусского детского писателя, драматурга и фантаста Я. Мавра (И. М. Федорова, 1883-1971) *Человек идет!* была впервые опубликована в журнале *Беларускі піонэр* в №№ 11-12 за 1926 и №№ 1-8 за 1927 гг.

Отдельное книжное издание вышло в минском издательстве «Чырвоная зьмена» в 1927.

Повесть переведена по первому книжному изданию. В нашем издании приведена полная (за вычетом двух буквиц) сюита иллюстраций белорусского художника-графика А. Н. Тычины (1897-1986), включая иллюстрации, публиковавшиеся лишь в журнальном либо лишь в книжном издании.

Издательство глубоко благодарит А. Левчика и В. Настецкого, предоставивших необходимые для работы сканы первоизданий повести.

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ . ПРИКЛЮЧЕНИЯ . ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.